

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

14

**Мюнхен - Сан Франциско
1979**

О Г Л А В Л Е Н И Е

В. Пирожкова. — Смерть писателя	1
В. Кобылин. — Вторая мировая война	11
В. Сидоров. — Инфильтрация семантикой	15
В. Ильин. — Плеяда предшественников символизма.	17
Владимир Рудинский — Обзор зарубежной печати	22
Ирина Сабурова — Перечитывая книгу...	26
Письма в редакцию:	
А. Б. — Искусственное государство	28
В. Кобылин — «Слово — не воробей»	28
С. В. Войцеховский — Загадка	31
Д. Панин. — Возражения Солженицыну...	33
Письмо в редакцию Б. Солоневича	35
Письмо в редакцию А. Коротюкова	36
Резолюция казаков. — Против клеветы на вторую эмиграцию	37
А. Шифрин. — Открытое письмо.	38
А. Шифрин. — Первый в мире документальный цветной фильм... .	39

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

МЮНХЕН

№ 14 Сентябрь 1979

САН ФРАНЦИСКО

В. ПИРОЖКОВА

СМЕРТЬ ПИСАТЕЛЯ

Когда в 1969 г. Анатолий Кузнецов бежал на Запад, это событие нашло широкий отклик в западной прессе. Кузнецов ясно и недвусмысленно отрекся от советского режима и от коммунизма вообще. Он ясно и определенно назвал себя антикоммунистом. О нем тогда знали на Западе так широко, что меня во время моего отпуска даже в баварских деревушках спрашивали о Кузнецове.

Понятно, что это вызвало ненависть к нему советских властей и синхронно ненависть «легальных оппозиционеров». Находившийся тогда еще в Сов. Союзе А. Амальрик накинулся на него. Бежать, мол, совсем не нужно, можно действовать и в самом Союзе. Бежавшего Кузнецова он представил кем-то вроде изменника. Да, бежать не нужно, если есть возможность выехать легально и с полным комфортом. Но далеко не у всех есть возможность выехать с комфортом. Кому это запрещено, тем приходится бежать.

Недавно, несколько месяцев тому назад, я получила письмо от другого легально выехавшего советского философа, письмо, полное неограниченной ненависти к трем очень различным лицам: покойному ген. Деникину, герою гражданской войны, писателю Анатолию Кузнецову и проф. Анатолию Федосееву. Что общего между этими столь различными лицами? Может быть, только то, что все они антикоммунисты?

Последние два служили коммунизму, Кузнецов был членом партии, аргументирует советский философ, мы же коммунистами не были. Хоть и трудно предположить, что философ-марксист — не коммунист, но предположим, что он формально членом партии не был. Из этого он делает парадоксальный вывод, что и антикоммунистом ему и всем его товарищам быть не нужно.

Странно. Я, например, не была коммунисткой, не была даже в комсомоле, но мне и в голову не приходило, что поэтому мне не нужно или даже нельзя быть антикоммунисткой.

Да, покойный писатель был членом компартии, пробовал стать писателем в советских условиях и увидел, понял до глубины души, что это невозможно. Он честно признал это и сделал вывод, единственный возможный, бескомпромиссный ко злу, потому что он был «горячим», а не только «теплым».

В нем жила боль народа, боль того, что было пережито и чего нельзя было забыть. Уже детство А. Кузнецова было страшным, уже оно наложило на него ту неизгладимую печать, которую никто не может полностью изжить, — если пережиты такие ужасы, — сколько бы они ни старались.

Вот его рассказ о детских впечатлениях.

ДЕТСТВО МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Мне рассказывали такой случай. В глухую деревню в Тульской области приехала из-за границы старушка эмигрантка — посетить места детства. До революции там был барский дом, «дворянское гнездо»; в революцию кого постреляли, кто бежал за границу; и ее вывезли девочкой. И вот через много лет ей каким-то чудом удалось добиться разрешения посетить места своего детства, расположенные далеко от типовых трасс для зарубежных туристов.

От дома остались одни развалины, но сохранился парк, сохранились запущенные пруды, кое-какие могилы у церкви, превращенной в зернохранилище. И старушка все это обошла, и плакала, и хваталась за сердце. Посидела над прудами, посидела над могилами — и уехала в тот же день обратно за границу доживать свой век. Из-за одного этого посещения только и приезжала в Советский Союз. Значит, было что вспомнить.

Сидел я на-днях в одной разношерстной интернациональной компании, в Лондоне, и разговор перекинулся на тему: у кого какое было детство, посыпались разные забавные воспоминания, да «Ах, детство, ах, снова бы вернуться и снова пережить...»

Я перебрал в памяти картины моего детства: а что бы из того мне хотелось снова пережить? То было довольно типичное детство для моего поколения. Кто захватил предвоенные годы, у кого детство было военное. Я отношусь к первым. Я родился в 1929 году — когда было великое наступление коллективизации. Дед и бабушка были крестьянами, переселившимися в город, наша семья жила в совершенно деревенской хате на киевской окраине

Куреневке, вся родня была — крестьяне, они постоянно ночевали у нас, приезжая на базар в город.

Мои самые первые детские воспоминания связаны с апокалипсическим голодом, разразившимся на Украине в 1933-34 годах, когда в наказание за сопротивление коллективизации у крестьян были конфискованы все продукты до последней крошки, до последнего зерна, и съев собак, кошек, улиток, кору с деревьев, люди распухали и умирали целыми деревнями до последнего человека. Тысячами бежали на железнодорожные станции, но был приказ не пускать их в поезда, и тысячами трупов лежали вдоль железнодорожного полотна. На подходах к городу стояли кордоны, но кое-кому удавалось обойти, и они лежали под заборами, протягивая руки; милиция собирала трупы. Обезумевшие голодающие доходили до людоедства. По косвенным подсчетам западных специалистов, в тот великий, искусственно организованный голод, умерло от 6 до 7 миллионов человек. Такого голода не было нигде и никогда в истории. Между прочим, тот конфискованный хлеб Советский Союз продал на экспорт — на Запад. В западную прессу тех времен проникли все же кое-какие сведения об этом голоде, известны даже отдельные случаи, когда докеры отказывались разгружать советские суда с хлебом. Но, во-первых, сведения были весьма отрывочные, а во-вторых, они были так невероятны, что мир как-то не мог поверить.

Так вот, картины этого голода — это были мои первые впечатления, ребенка трех-четырёх-пяти лет, в этой жизни на этой земле. Пожалуй, этого я не хотел бы снова пережить.

Голод и нищета были и в нашей хате. Ели конские каштаны, какую-то мамалыгу из отрубей. Держали в хлеву тощую коровенку по извечной крестьянской традиции: корова — кормилица. Молоко на продажу, сами не пили. Моей обязанностью было пасти ее. Но негде: луга казенные. По пустырям, свалкам, клочки травы под заборами. Дед стоял сутками в очередях, чтоб достать несколько килограммов комбикорма. Когда корова отелилась, держали теленка в хате, в отгороженном углу, чтоб не замерз в хлеву. Я спал на твердой, из досок, кушетке, с соломой вместо матраца, рядом с загородкой теленка, накрываясь бабушкины-

ми кофтами и всевозможным тряпьем, и все равно дрожа от холода, потому что и дров не было, топить нечем.

Потом началось другое: аресты. Только и слышно: «ГПУ, ГПУ», затем «НКВД, НКВД». Одного соседа взяли, другого соседа взяли. За что? Анекдот в очереди рассказал. Бабушка меня не чертями пугала, а энкаведистами; и строго-настрого учили, прямо чуть не с материнским молоком я эту истину впитал: держать язык, думать одно, говорить другое, иначе погибнешь.

Я пошел в школу в историческом 1937 году. В классе было детей этак 45 или 50. Учила парализованная учительница, бездомная: она тут же и жила в комнатке, соседней с классом. Ее вытаскивали из каморки вместе со стулом, и она вела урок за уроком, потом обратно утаскивали в каморку. Я тогда не задумывался, почему она, совершенно беспомощный инвалид, должна была работать? Боюсь, что не для внутреннего удовлетворения, потому что она учила устало, безразлично, тупо. Она просто должна была зарабатывать на жизнь.

Моя мать тоже была учительницей, в младших первых-четвертых классах. В те годы ей было под тридцать, но у нее половина волос поседела. Я помню, вначале у нее были только отдельные седые волосы, и она заговорщически просила меня: «А ну, посмотри, есть ли у меня седые волосы. Если увидишь — вырви». И я старательно выдергивал отдельные седые волосы у мамы. Потом однажды сказал: «Ну, что ж тут дергать: половину надо вырвать». Третью часть ее коллег по школе арестовали, причем без всякой видимой причины. По ночам мать не спала, прислушиваясь к звукам любой проезжающей по улице машины. В печку полетели почти все книги, которые у нее были, даже были сожжены очень любимые мною японские сказки, по которым я научился читать: японцы враги, объяснила мать, так что лучше и сказок их не держать. И, главное, я ведь это понимал уже тогда, прекрасно понимал: что да, лучше и сказок не держать. Жизнь сразу же предстала передо мной, ребенком, как свирепая безжалостная мясорубка, в которой только крутись да увертывайся, как бы не раздавило. Сколько я посидел с ножницами, помогая матери вырезать из семейных фотографий лица тех, кто

арестован, а потом вообще все фотографии сожгли.

Может быть, я хотел бы из тех лет пережить снова ощущение во время великих праздников Рождества и Пасхи, особенно Рождества с елкой... Но как же конспиративно это было! Елку делали в полной тайне, занавешивали окна, чтоб соседи не увидели: елка ведь после революции была упразднена как часть религиозного культа. Потом вдруг неожиданно, по инициативе, как писалось в газетах, лучшего друга детей Постышева, было введено празднование советской елки на Новый год, ничего общего с Рождеством не имеющей. Потом Постышева расстреляли как врага народа, и нас в школе заставляли вырывать страницы из учебников с его портретом. Это постоянно делалось на уроках: «Книги на парты. Вырвать страницы такие-то. Замазать чернилами имена такие-то».

Ну, конечно, и это я прекрасно понимал, и все дети понимали. Мое поколение так воспитывалось. И когда в третьем классе мы все до единого, якобы добровольно и радостно, вступили в пионеры — хором орали присягуклятву «Я! Юный пионер! Союза Советских Социалистических Республик!... Обязуюсь!...» — то никому бы в голову даже и наемка на мысль не пришло; а я, мол, не хочу, а я не буду.

И пошло! Командиры, звеньевые, заседания, маршировка, линейки, вынос знамени, равняйся, салют, биография Ильича, быть всем как маленький Сосо! Сталина-то в детстве звали Сосо. Стенгазеты, песни, стихи, где имя «Сталин» через каждые два-три слова. Разбуди среди сна и спроси: «Кому спасибо?» — «Спасибо партии и лично товарищу Сталину за счастливое детство».

Может, вспомнить как великую удачу, как за фотомонтаж о Сталине нас с Жориком послали на выставку в фойе кинотеатра «Октябрь» на Подоле. Мы же и должны были охранять свой фотомонтаж, чтоб кто-нибудь, не дай Бог, Сталину глаза булавкой не выколлот. Один охранял, другой бегал в зал кино смотреть; киножурнал «Новости дня» был целиком посвящен пребыванию Молотова в Берлине, переговорам с лучшим другом СССР Адольфом Гитлером.

К этому времени относится одно из самых ярких событий моего детства: в пыли под забором я нашел 15 копеек.

Были 15-копеечные монеты. Боже мой, я побежал к киоску и купил казиночки! То было такое счастье. Может быть, этот момент из детства я хотел бы снова пережить?..

Нет, еще был и другой. Пришел в гости Ясик, сын бабушкиной сестры — значит, вроде дядя мне, да было ему лет 16. Но он был уже совсем взрослый, гордый: учился в авиационной школе, летчик. У него деньги были. Он взял меня гулять по городу, мы зашли в магазин, и там была очередь за пластинкой, давали пластинку «Катюша», все прямо с ума походили, на всех патефонах «Катюша». И Ясик купил «Катюшу». На радостях зашли в кондитерскую, и он взял по стакану какао с пирожным. Я глазам не поверил: какой он богач. Я в жизни не подозревал, что можно так сладко пировать. Через несколько месяцев Ясик погиб, в первые же дни войны, сбитый со своим фанерным самолетом; а для меня с первыми же днями войны кончилось детство.

Сказали бы мне: вот, снова станешь маленьким, снова переживи все это — в той хате, в те годы, в тех условиях, в той стране. Отказался бы я.

Да, детство его было страшное. Мы, люди несколько более старшего поколения, были тогда детьми в более старшем возрасте, когда свирепствовал голод на Украине. На моей родине, на севере России, жили впроголодь, были карточки как в военное время, но такого страшного голода не было. Когда же мне пришлось проезжать через Украину, голод и там начал уже понемногу стихать. Мне было тогда 12 лет. Ни картошки, ни овшей все же и тогда еще нигде не достать было, зато мяса, — сколько угодно, потому что все еще резали скот отчаявшиеся крестьяне. Хлеб мы, пассажиры поезда, кое-как еще могли получить. Но на каждой остановке просили есть дети, исхудалые, прозрачно бледные, с руками и ногами как щепки. Мы давали им все, что у нас было. На одной из станций из пульмановских мягких вагонов высунулось толстое лицо и не менее толстая рука какого-то советского функционера. В руке был пакетик, который коммунистический вельможа бросил детям. Они кинулись на него, развернули... там были окурки! Этой сцены я не могу забыть. Это был плевок в детскую душу, неизживное оскорбление.

А юность вся прошла под знаком страшного террора конца 30-х гг. Аресты направо и налево. Отец и старший брат моей лучшей подруги в школе, отец другой одноклассницы, знакомые, коллеги моего отца... Как отец удержался? Спаса, видимо, математика. Был мой отец специалистом по высшей алгебре, в нашем небольшом городе с Педвузом единственным таким специалистом, точили на него зубы, упрекали в «аполитичности», знали мы, что каждую ночь может раздаваться звонок, но он все же не раздался.

Можно это забыть или... не заметить? Оказывается, можно. Только в Москве и Ленинграде люди боялись, уверяет нас В. Некрасов

в своих «Записках зеваки», в провинции жили спокойно. Мы жили в провинции, г-н Некрасов. Но вот даже Солженицын пишет, что террора конца 30-х гг. не заметил. Один его сверстник, эмигрант второй эмиграции, из Ростова, как и Солженицын, подумал, что написал это Солженицын просто так, для красного словца. Не мог не заметить. Но, может быть, мог? Что не замечено, то не горит в душе. У Кузнецова горело. Потому он нам так близок и понятен. А ведь если не горит, то даже легко представить себе, что и не было, как нам внушает Некрасов. Кузнецов и это знал.

НЕ БЫЛО ЭТОГО

Сейчас я хочу коснуться темы, которая сама по себе неисчерпаема, — и потому только коснуться, — темы по формулировке «Этого не было». Сталиваясь с нею я прямо-таки ошалевал. Когда вам говорят: «При сталинском терроре уничтожали и сажали в лагеря тех, кто этого заслуживал», — тут можно еще спорить, доказывать, выяснять. Но когда вам говорят: «При Сталине террора не было, и никаких лагерей не было. Откуда вы это взяли? Да вы что?...» — и смотрят при этом уверенными невинными глазами, — что тут делать? Конечно, вы попытаетесь привести факты, а вам на это: «Так это ж клевета! Продажных империалистических агентов и тому подобных бандеровцев!» И рассказывайте, и доказывайте, хоть головой о стенку бейтесь, — на это одно невозможное: «Не было этого».

Сегодня поразительно думать, но данный пример ведь не преувеличение, не фантазия. Когда на Западе, при жизни Сталина, оказывались люди, спасшиеся из советских лагерей, западные коммунисты и вообще все, кто с симпатией глядел на Сталина и счастливейшую, первую в мире страну победившего социализма, — не то что не слушали таких беглецов, но возмущенно объявляли их негодьями-клеветниками, а их показания — вымыслом от начала до конца, плодом, в лучшем случае, больной фантазии. Потому что между песней «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек», которую поют все народы во всей стране — это же факт! — и 15 миллионами в лагерях смерти — слишком неправдоподобный разрыв, ножницы, один конец которых есть ложь.

Наиболее известный пример — с книгой Виктора Кравченко «Я выбрал свободу», описания сталинского террора, который французский писатель-коммунист Пьер Дэкс возмущенно назвал клеветой. Состоялся судебный процесс,

с живыми свидетелями, спасшимися из Советского Союза, с документами, доказавший тогда правдивость Кравченко, проигранный Пьером Дэксом, но все же он и подобные ему нуждались еще в XX съезде, чтобы сам Советский Союз, в лице своего главы, далеко не до конца, с массой умолчаний, но все же сообщил, что, да, «злоупотребления культа личности имели место», и уничтожение миллионов было, и лагеря были. Да, уважаемый товарищ Пьер Дэкс, все из-за этого негодника Берия, да некоторых плохих черт в характере Иосифа Виссарионовича. Но!

Семи миллионов, умеренных искусственным голодом на Украине в 1933 году,¹⁾ — не было. Государственного геноцида, когда целые народы исчезали с земель, а названия их республик — с географических карт СССР, — не было. Чудовищных массовых могил, наподобие Винницкой, сравнимых с Бабьим Яром, но дела рук не гитлеровцев, а НКВД, как и массового уничтожения им польских военнопленных в Катини — не было... А знаменитое, объявленное на весь мир заверение Хрущева, что в Советском Союзе политических заключенных больше нет! С какими чистыми, невинными глазами. Я представляю себе, как ему обрадовался тогда правая рука Арагона, редактор «Летр Франсэз» Пьер Дэкс! Если бы тогда из Владимирской тюрьмы каким-то чудом вырвалась женщина, Галина Дидык, сидящая с 1950 года срок 25 лет за то, что руководила подпольной организацией Красного Креста в Тернопольской области — и рассказала, скольких тысяч одних только «националистов», и украинских и прибалтийских, и других не коснулась и не коснется никогда никакая реабилитация, — разные Пьеры Дэксы опять сказали бы: клевета. Галина Дидык и все эти тысячи сидят по сегодня, остатки, прошедшие все круги, ДОВЫМИРАЮЩИЕ. Недавно во Владимирской тюрьме умер заключенный Андреев после почти 25-летней строжайшей изоляции, свидетель Катынской трагедии, который, на свое несчастье, видимо, знал слишком много.

Книга Орвелла «1984» считается фантастической, но я не читал более реалистического описания Советского

¹⁾ Сталин назвал Черчиллю цифру в 10 миллионов погибших при коллективизации крестьян. — Прим. ред.

стройка. Называние вещей другими именами, гротескные приемы относятся к чисто художественному арсеналу средств. Герой книги работает в отделе документации Минправа, то есть Министерства Правды, где следит за малейшими изменениями в государственной информации. Герой должен вставить новую версию всюду, где была версия прежняя. Скажем какая-то личность считалась героем. Теперь объявляется, что она — враг. Армия слушающих изымает упоминания о герое из старых подшивок газет, книг, журналов, брошюр, афиш, фильмов, звукозаписей — и вставляет туда новую версию о враге. Старые экземпляры газет набираются и перепечатываются заново, куски фильмов вырезаются и переснимаются. Если упоминание о чем-то нужно убрать — оно изымается так, что не остается следов. Будущий историк не заподозрит, что оно было. НЕ БЫЛО.²⁾

Этим как раз мы занимались, когда я еще учился во втором или третьем классе, перед войной. Нам велели вынимать учебники на парты и вырывать страницы с портретами Постышева и других «врагов народа», это делалось по всей стране вплоть до Книжной палаты, и далее их, этих врагов, уже НЕ БЫЛО.

А наводнявшая прежде страну сталинская «История ВКП(б),¹⁾ Краткий курс» при Хрущеве вдруг исчезла бесследно, не было такой. Уж не говорим о том, что никогда НЕ БЫЛО процентов 90-та литературы первых лет революции, отражавших роль Троцкого, Бухарина и других «врагов», все это общеизвестно, я упоминаю лишь затем, чтобы спросить: что же будет в результате? Результаты кажутся иногда путающими.

Несколько лет назад у меня дома, в Туле, мы разговаривали с одним молодым человеком, студентом, зашла речь о Зощенко, Ахматовой, как в 46 году их предавали анафеме партийным постановлением о журналах «Звезда» и «Ленинград». Молодой человек удивленно сказал, что я что-то путаю, этого не было. «Да как же, — восклик-

нул я, — в каждом учебнике — об этом постановлении!» Он сказал, что ничего подобного они не проходили, он сам читает уйму, но не встречал нигде. К счастью, у меня случайно на полках были учебники по советской литературе и для школы, и для вузов, я кинулся листать их и оторопел: действительно, о знаменитом постановлении партии ни слова. Молодой человек смотрел на меня с оттенком сожаления. «Это было! — закричал я. — Ведь без этого в литературе шагу нельзя было ступить!» Я кинулся листать тома по литературоведению, торжествующе обнаружил недавно вышедший сборник Зощенко. В предисловии — о знаменитом постановлении ни слова. Уже почти трясущимися руками я принялся листать «Литературную энциклопедию». Статья «Ахматова» — ни слова. Статья «Зощенко» — ни слова. НЕ БЫЛО. Это в моей тогда большой библиотеке, оказывается, не осталось ни следа, ни намек об этой позорной ждановской расправе с литературой, музыкой, кино. Как это случилось — я не мог понять, но я тогда почувствовал себя как в дурном сне, я бормотал: «Но, честное слово, это было»... Молодой человек, скорее из вежливости, сказал, что он верит моему честному слову, может, что-то такое и было, но...

Еще в гораздо большей степени я был убит, когда некоторые умные, серьезные люди, прочтя в моей рукописи романа «Бабий Яр» главу-воспоминание «Людоеды» о голоде 1933 г. недоуменно сказали, что я что-то путаю. В войну было голодно, да, но о голоде времен коллективизации да еще о людоедстве они не слышали. Этого не было.

Да, поначалу в таких случаях очень нервничаешь. Но вот под категорию «Этого не было» попал я сам. Когда в 1969 году я остался в Лондоне, в Москве был задержан готовый двухмиллионный тираж «Юности», с него срывалась обложка, где в списке редколлегии стояла моя фамилия, и заменялась новой обложкой. С тех пор список редколлегии «Юность» на обложке больше не печатает. В 3-4 номерах «Юности» за тот же год печатался мой роман «Огонь», и я в Лондоне с любопытством потом развернул № 12, где обычно дается содержание всего журнала за год. Под рубрикой «Проза» ни моей фамилии, ни романа «Огонь» конечно не было. В библиотечных экзем-

²⁾ После расстрела Берии даже заграничным университетским библиотекам, выписывавшим Большую Советскую Энциклопедию, были присланы листки с заменой текста о Берии и наставление какие страницы и как нужно вырезать ножницами или бритвой и вклеить в книгу присланные взамен — Прим. ред.

плярах страницы с «Огнем» в 3-4 номерах, как я узнал, вырезаны. Не было. Из-за меня у служащих Министерства Правды вероятно, было много работы: одних книжек «Родная речь» для 1-го класса, где лет 15 почти печатался мой рассказик «Деревцо», — сколько миллионов! Миллионы моих книг, журналы и сборники с рассказами и статьями, чтецы-декламаторы, календари, энциклопедии, учебные программы, кинофильмы, каталоги. Убрали, вычистили. Был? Нет. Не было.

Когда такое видишь со стороны — одно дело, но когда происходит с тобой самим — это особое ощущение. И переставешь нервничать, переходишь к философскому спокойствию. Словно, внимательно наморщив лоб, смотришь на какой-то сюрреалистический феномен: да, общество с постоянно **изменяющейся** историей, с **фиктивной иллюзорной** историей, от древнейших времен до вчерашнего дня. Действительно «небывалый исторический эксперимент».

Страшно, когда бывшее опускается в небытие теми, кто его не хочет знать. А что если оно не вычеркивается совсем из бытия, но перекрашивается? «Сталина же все любили, даже зе-ка», — слышишь от иных молодых из третьей волны. И смотрят они не совсем доверчиво, когда им рассказываешь, как мы ненавидели Сталина. Но с молодых что спрашивать, им это внушили в советской школе, им, может быть, трудно сразу разобраться в истине. Но вот уже немолодой маститый советский профессор утверждает, что хоть и было, но народ сам этого хотел, что сталинское время было настоящим народоправством и истинной свободой. Это страшнее любого Орвелла.

Почему они так говорят? И вдруг мелькает неожиданная мысль: а, может быть, ими владеет страх? Самый обыкновенный страх советского человека, страх неизбывный, страх, забравшийся во все поры, во все фибры души. Они в этом не признаются. Нет, наоборот, они ведь герои, они ничего и никого не боятся, «ни коммунистов, ни антикоммунистов», как сказал мне профессор (бедные антикоммунисты, чего их-то бояться, кому они угрожают?). Но при этом в его глазах был страх, самый явный, самый неприкрытый страх, страх нам столь знакомый, страх советского человека.

И об этом страхе знал Кузнецов и не старался его скрыть, затушевать, не рядился сам и не рядил других в тоги героев. Вот, что он пишет:

СТРАХ

На-днях один мой знакомый в Лондоне рассказал, что к нему обратился молодой актер с просьбой, довольно неожиданной. Этому молодому актеру досталась роль в пьесе из советской жизни — роль простого обыкновенного человека, придавленного страхом. Он не может войти в образ и просит консультацию.

Нет, он понимает, конечно, страх такого типа, как во время стихийного бедствия, землетрясения, например; страх человека под дулом револьвера, который направил на него бандит в темном переулке; страх преступника-убийцы или ограбившего банк, который прячется, зная, что за ним охотится полиция.

С одной стороны, страх перед опасными несчастными случайностями в жизни; с другой стороны страх перед поимкой и наказанием за явное совершенное преступление.

Но он не может понять и прочувствовать то, по-видимому, чисто восточное состояние, когда человек, не убив, не украв, и так далее, тем не менее не может позволить себе быть естественным, должен всю жизнь очень обдуманно, осторожно высказываться, скован вечно, хронически, до гроба — и бледнеет от страха уже при одной мысли, что в любой момент, в любую секунду жизни он не гарантирован от того, что «придут», «будут проверять», «чистить», «обыскивать», засекут, что он сболтнул лишнее, заподозрят его в непозволительных убеждениях и мыслях. Вот ЭТОТ страх.

«То есть, я умом как-то это осмысливаю, — говорил молодой актер. — Но сам этого никогда не чувствовал, я как-то с детства — рос, учился, жил НЕ БОЯСЬ, и не могу вообразить, наверное, как живущий на экваторе не может вообразить, как это: замерзнуть от мороза. То есть, он может заглянуть в холодильник, подержать в руках кусок льда, и все же это не то. Я не боялся в жизни как вы, меня не арестовывали, не сидел в лагере... Просто отчаяние берет, до чего благополучная, бедная опытом жизнь.»

Слушая эту историю, я ощутил какую-то горечь, или безнадежное чувство зависти. Имея по самые уши этого самого «опыта» о котором он тоскует, я бы охотно отдал его именно за самую «бедную», благополучную, рядовую жизнь БЕЗ СТРАХА. Как пораженный на всю жизнь полиомиелитом, не задумываясь, променял бы свои костыли и весь свой опыт калеки на возможность быть просто здоровым.

Именно такими глазами калеки от рождения я смотрю на живых, естественных детей и молодежь в Англии — какие они свободные, раскованные, не пуганные, — и думаю: «Везет некото-

рым!» А они, конечно, недовольны, имеют претензии к жизни, недостаточно осыпавшей их испытаниями.

Это у Гоголя Собакевич сокрушается, что имеет железное здоровье: ни разу в жизни не болел, ни малейшей простуды хотя бы. А Чичиков думает: эго, нашел на что жаловаться...

Да, попробуй такому, никогда не болевшему, объяснить, что такое болезнь. Ты, пролежавший всю жизнь в больнице. Да, если хотите, все наше общество в СССР больно. Страхом. Да так, что уже и забывается, и не представляется: как же иначе можно, и вообще бывает ли иначе? Поэтому молодые советские актеры, играя дерзких персонажей в пьесе западного автора, изображают их как **нарушителей**-вольнодумцев, которых вот-вот арестуют. Это очень смешно. Вольнодумцем на Западе вольно быть. Каждому. Если хочет, пусть себе вольнодумствует, а мы послушаем: кто знает, может, и дельное что-то скажет — но это же естественно, безобидно, нормально и **банально**. Никому в голову не приходит, что это **СТРАШНО**.

В первые времена моей жизни вне Советского Союза я ловил себя на мысли: «Боже, что это я говорю, разве можно такое вслух говорить?!» И тут же потрясенно вспоминал: «Можно. Можно все».

Как изголодавшийся я накинулся на эту дивную, невероятную возможность, так сказать, пировал, обедался, пробоval на все лады — ничего, кроме перспективы, что за тобой установится репутация невыносимо говорливого, да и только. Я бы, не боясь, сравнил это с бегом на длинную дистанцию после сорокалетнего лежания в постели с парализованными ногами.

Все без исключения люди, оставившие СССР, с которыми я говорил на эту тему, подтверждают, что с ними было то же самое: они, так сказать, поначалу слишком много, «бегали», «прыгали», удивляясь, что это возможно, что это получается, — и тогда, спрашивается, зачем и как же это было можно жить до сих пор, прикованным к «постели».

Англичане любят серьезную классическую музыку. Перед началом концерта с Бетховеном или Чайковским в программе билет достать невозможно. Тем не менее время от времени устраиваются разные концерты, как мы бы

в СССР сказали, экспериментальные, и множество слушателей подходят именно с принципом: «Послушаем этого автора концерта для мотоцикла с оркестром консервных банок, возможно, у него какие-то любопытные аргументы». На-днях, такой концерт передавался по телевизору, и надо сказать, в самом деле любопытно. По телевизору устраивается интервью с коммунистом на тему, почему он считает, что в Англии должен быть коммунизм. Устраиваются открытые дискуссии на любую тему, где каждый говорит, что ему в голову взбредет, бывает спор, крик, бывает хохот.

Но вот, в 1917 году некая группа в России сказала: «Живите все так, как мы считаем нужным. А несогласных — уничтожим». И этот странный, на мой взгляд, дикий принцип, неумный принцип повлек за собой неисчислимыя беды, жертвы, кровь, садизм, **ненужные** — вот что самое худое. Я говорю о самом принципе: «Живи только так». КАК? — это уже следующее. Возможно, что это красиво, лихо выглядит. Но ведь мы, люди, такие разные. Один любит маршировать в компании — другой отшельник-индивидуалист. Мне говорят «Электрифицируем весь твой быт» — а по мне, ну ее к лешему, эту электрификацию, а вдруг я люблю жить в лесной или горной хижине со свечой и сверчком? Нет, не имеешь права, не понимаешь, что счастье — есть наша власть плюс электрификация всей страны и всех. В расход тебя, к стенке. Так, пойдя по дорогам, полным благих намерений, общество, конечно, пришло в ад насилия.

Террор революции, террор после революции, террор коллективизации, террор лет тридцатых, террор лет военных и послевоенных — жизнь поколений и поколений в непрерывном страхе. При достаточно долгом сроке он может превратиться во врожденный. Я думаю, что, как например, заяц, вынужденный постоянно спасаться, со страхом рождается, так, в принципе, можно выработать в течение ряда поколений инстинкт общественного страха не благоприобретенный, а уже врожденный. Думаю также, что этого не случится. Но упорные опыты продолжаютя. Как сам, бывший подопытным сорок лет моей жизни, могу сказать, что избавление от рефлексов страха благоприобретенных — не врожденных

еще! — не приходит сразу, быстро и безболезненно. Это длинный, трудный процесс. Сохраняются остаточные явления. «Пуганая ворона и куста боится». Медленно она привыкает не бояться куста, но стоит случайно хрустнуть ветке — и страх на месте. Всегда ложный, странный и непонятный для глядящих со стороны ворон непуганных.

Я уже сказал, что ловил себя на страхе: «Боже, что это я говорю? Как меня сейчас не сцапают?» Около года у меня проходил страх проживания без прописки. То есть, пока я думал и понимал, что живу теперь в обществе, где самого понятия прописки не существует, все было нормально, но я не мог понять, что меня **подспудно** беспокоит? Оказывается: что именно живу вот просто так, без штампа о прописке.

По сегодняшний день еще не могу безразлично пройти мимо полисмена. Нужно, во-первых, знать, что такое британский полисмен — это верх симпатичности, корректности, помощи, авторитета, и, кстати, они не вооружены. Ничем. В Англии детей не пугают полицией. Но я, с детства милицией пуганный, вечно подлежавший, ни с того, ни с сего, «проверке документов», столько раз хватавшийся и отпускавшийся опять-таки ни с того, ни с сего, для проверки — я сегодня прохожу мимо английского «бобби», внутренне дрогнув, приняв независимый, «не виноватый» вид, и это происходит прежде, чем головой успею сообразить: С ЧЕГО??? Это рефлексивно во мне происходит. С годами слабеет, но медленно. Так после войны с отчаянными бомбежками я не мог спокойно слышать грозный вой самолета в небе.

«Испытание страхом, — пишет вдова Мандельштама в книге воспоминаний, — одна из самых страшных пыток, и после нее люди оправиться уже не могут». Это очень обидно, неумно, что над такой деликатной, уязвимой, тонкой организацией как человек кто-то находит нужным проделывать пытки. Не среди нас уже, но среди детей наших детей будут ли молодые актеры, которым окажется **трудно** вжиться в образ странного, подавленного хроническим страхом, скованного и вечно настороженного советского человека XX столетия?

А. Кузнецов не старался скрыть, что ему пришлось сначала освободиться от страха, когда он оказался в свободном мире. И это ес-

тественно. В этом нет ничего позорного. Но именно потому он реалистичен. Он видит и рисует нам жизнь такой, как она есть. Не так как многие из ставших известными «диссидентов». Они приезжают из какого-то другого Сов. Союза, им не надо отвлекать от страха (якобы), они ничего не боялись и не боятся. Но они, конечно, не антикоммунисты. Они компромиссны, они нечто вроде лояльной оппозиции режиму, контуры которого в их изложении расплываются, теряют четкость. Оскал тоталитарной диктатуры превращается в кислое усмешку растерянных (якобы) советских вождей, у которых нет ни плана, ни стратегии, которые больше не ведают, что творят и которых опасаться больше уже не стоит. Но то тут, то там вдруг колыхнется занавес, приподнимается слегка завеса и из-под стилизованных картинок проглядывает страх. Тот самый старый знакомый страх, в котором не признаются и который поэтому так трудно преодолеть. Преодолеть можно только осознанное. Может быть, он-то и водит кистью, рисующей такую расплывчатую и, будем откровенны, малоправдоподобную картину советского режима.

Все мы надеялись, что А. Кузнецов подарит нам новые книги. Он сам рассказывает, что тайно вывез некоторые манускрипты, написанные им тайно же еще в Сов. Союзе. Но он их не опубликовал. Мы написал и новых книг. О причине его молчания он тоже говорит откровенно. Ниже мы приводим этот его рассказ.

Но нам кажется, что писатель был слишком строг сам к себе. Мы не предлагаем быть такими, как многие из третьей волны с их бесчисленными журналами. Почти все, что там написано, могло бы лучше остаться ненапечатанным или, во всяком случае, ненапечатанным. Нет, графомании, которой подвержены столь многие из «третьей», мы никак рекомендовать не можем. Но вот по нашему мнению тот отрывок из сюрреалистического романа А. Кузнецова, который был напечатан, прекрасен. И нам думается, что писатель напрасно дал себя смутить мнениями о подражании Орвеллу или Замятину. Ведь даже те маленькие отрывки из его повествований, которые мы публикуем ниже, показывают, что мы имеем дело с настоящим писателем. Но вот как он сам объясняет свое молчание:

ТРУД ПИСАТЕЛЯ ТАМ И ЗДЕСЬ

Когда я учился в Москве, в Литературном институте, на Тверском бульваре, там, кроме марксизма, политэкономии или языкознания по Сталину, преподавалось несколько дисциплин литературных: теория стиха, теория прозы, труд писателя.

Последний курс — «Труд писателя» — читал проф. Цейтлин, ныне уже покойный, сүхонький, замкнутый старичек, который скрупулезно собрал, казалось, все, что можно, — не о том, ЧТО писатели всех эпох писали, а КАК чисто технически они это делали.

Один любил держать ноги в тазу с холодной водой, другому требовались гнилые яблоки в ящике стола. Один писал сидя, другой лежа, а третий только стоя. Одни писали по утрам, другие только ночью. Одни ждали вдохновения, к другим оно являлось в

процессе работы, а третьи его вообще не признавали. Лекции были разбиты на разделы: «Бытовые условия писателя», «Стол писателя», «Влияние местности на работу писателя». Там было собрано все за исключением, по-моему, работы писателя в условиях диктатуры — и работы писателя в изгнании. Этого мы не проходили.

Недостающий раздел насчет диктатуры мы, его слушатели (а мы — это были Евтушенко, Белла Ахмадулина, Анатолий Гладилин, Лина Костенко, а также наш сокурсник Владимир Фирсов), вынуждены были постигать каждый в силу своего разумения. У одних, как у Ахмадуллиной, Гладилина³⁾ или Костенко, это кончилось 1) работой в стол, 2) отверженностью, травлей. Другие, как Евтушенко, сперва акробатически лавировали на лезвии ножа, а потом кончили чем-то похожим на панельную торговлю собой. Третьи, как Фирсов, не мудрствуя лукаво, стали обыкновенными советскими писателями.

Мне же, грешному, судьба уготовила перейти к разделу «Работа в изгнании», который мы тоже не проходили. Сейчас я мог бы пополнить курс профессора Цейтлина большим количеством материала, точного, неожиданно-го, выстраданного, потому что этот раздел оказался для меня лично самым потрясающим из всего, что вообще было в моей жизни. Кардинальным настолько, что, прибегни я к банальной литературщине, его можно было бы считать не продолжением, а просто началом другой, иной жизни.

С момента посадки в самолет 24 июля 1969 года, в Шереметьевском аэропорту, курсом Москва — Лондон, новое обрушилось на меня, и продолжает обрушиваться, лавиной. По-польски говорится: «Цо задужо, то нездро». Если полжизни дышать спертым, бедным кислородом воздухом, и вдруг оказаться на берегу океана, то от свежего воздуха можно угореть, заболеть, обожжет легкие. Только здесь я узнал от старых, опытных эмигрантов, что почти каждый, вырвавшийся из СССР на Запад, должен «переболеть», бытуют даже термины: резкий перепад давлений, «кессонная болезнь», «культурный шок». Одни подвержены этому больше, другие меньше, мне же, как вижу

теперь, было уготовано испытать эту чашу «кессонной болезни», «культурного шока» сполна, может, даже больше, чем сполна. Вероятно потому, что в СССР я принадлежал именно к категории, которая называет себя работниками культуры. Я, естественно, ожидал — и свежего воздуха, и перепада в культурном уровне. Но соотносительных размеров всего этого, ножниц, которые настолько, оказывается, расходятся, что трудно вообразить, когда и как они могут сомкнуться, — вот этого я не ожидал. Со мной случился означенный «культурный шок».

Начать с того, что вот уж четвертый год живу в Англии — но не опубликовал ни одной **новой** книги. Я выпустил — «Бабий Яр», но он написан раньше, в СССР, теперь лишь опубликован в полном виде.

Любопытно, что когда я остался в Англии, и вдогонку мне, кроме газетных статей, полных терминологии вроде «Иуда, родину продал», была пущена волна писем и от якобы «простых советских читателей», и от близких людей, — в них после вариаций «Тебя ждет осиновый сук», «Ты умрешь под забором», следовало несколько странное предсказание: «Писать ты уже не сможешь».

На месте главы КГБ товарища Андропова я бы этих авторов «Иуды», «осиновых сучков» и «заборов» гнал бы в шею: плохо работают. Бездари. А вот на человека, предсказавшего, что советский писатель писать на Западе не сможет, рекомендую обратить внимание — и премировать его хотя бы путевкой в спецсанаторий «Горячий камень» в Пятигорске. Узнать бы у способного работника, из каких посылок он исходил? Впрочем, поставлю сто против одного, что главной причины он не знает.

Говорят о губительной оторванности от родины, корней, родных берез и языка; о предательстве священных идей коммунизма; о зверином оскале капитализма, наконец... Все это болтовня, вздор.

Когда-то и Герцен, и Горький уходили в эмиграцию, поляк Конрад стал мировым писателем в Англии, испанец Пикассо навсегда оставил Испанию, а турок Назым Хикмет эмигрировал в Москву (последний случай, видимо, вообще абсолютно похвален?), то никто не вспоминал об оторванности от род-

³⁾ Когда Кузнецов это писал, Гладилин находился еще в Сов. Союзе. — Прим. ред.

ных корней, берез, пальм или баобабов.

В священные идеи коммунизма теперь и в ЦК КПСС никто, пожалуй, не верит всерьез. Оставим их, эти идеи, Бог уж с ними, оставим их армянскому радио, Мао-Цзе-дуну и Энверу Ходжа.

Насчет звериных законов Запада — я их наблюдаю четвертый год, теперь не с чужих слов, а сам могу сказать: дай Бог нашей инквизиторской стране когда-нибудь не то что превзойти — приблизиться к современному уровню духовной и материальной западной жизни. Погодите с сияющими вершинами, скажите, в каком столетии хоть крепостное право-то отмените?

И сказать крепостному, который из такой страны — не уехал легально, а должен был тайно бежать, как из концлагеря, — сказать такому беглому крепостному писателю: «Ты без нашей колючей проволоки не сможешь писать», — согласитесь, это все-таки нужно было додуматься.

Главная причина более серьезна, трудна, прозаическа: это беспросветная **отсталость и провинциальность** наших так называемых советских писателей и всей их литературы, я же имел несчастье к этой кунсткамере принадлежать.

Я, например, состоял членом Союза писателей СССР. Но писатель и член Союза писателей СССР — это вещи не только разные, но, как сказал бы Пушкин, **НЕСОВМЕСТИМЫЕ**. Достоевский или Лев Толстой не могли бы быть членами Союза. Достоевского бы ни строки не печатали, и не приняли бы уже за одну общечеловеческую гуманность, а Толстой — тот бы сразу заявил: «Не могу молчать!» Александр Солженицын, из Союза писателей изгнан⁴⁾. По советской терминологии он, собственно, «лицо, не занимающееся общественно-полезным трудом». Тунеядец. Другой великий писатель, Михаил Булгаков, был не членом союза, а дворником при нем. О расстрелянных не говорим.

Я же был довольно прочным членом Союза писателей СССР со всеми вытекающими из этого последствиями. Последствия таковы, что мне на Западе пришлось элементарно переучиваться. Во многом — начинать с начала, с азав. Пока официальная советская ли-

тература толкалась на пустыре соцреализма, мировая литература куда-то, со скрипом, шла, за 50 лет что-то сделала. Но мы-то на Тверском бульваре этого НЕ ПРОХОДИЛИ. В некоторых областях я почувствовал себя на Западе так, как почувствовал бы себя сельский учитель арифметики, перенесенный в центр космических исследований и уполномоченный сделать обыкновенные расчеты траекторий полета Земля-Луна-Земля.

Покидая СССР, я переснял свои рукописи на пленки и думал: если удасться побег, то уж я все это первым делом напечатаю. От издателей отбою не было. Прежде всего мой литературный агент попросил список, и я составил только для начала список из семи книг, в общем готовых, только перевести с пленки в машинописный вид.

Да, из этого списка я выполнил №1 — полный «Бабий Яр». Это было единственное, что более или менее стоило сделать, и то не обязательно. Сегодня я бы все переписал заново, вычистив хвосты моих былых советских представлений.

Затем я приготовил вторую книгу, сюрреалистический роман «Тейч Файв», успел, к несчастью, опубликовать в журнале отрывок из него... и осекся. Это был момент, когда я и увидел, что я еще не писатель, а только **БЫВШИЙ ЧЛЕН** Союза Писателей СССР. С «Тейч Файвом» было банально-примитивно. Почитали рукопись один, другой, в меру хвалили, но сказали, что это в общем на уровне подражаний Замятину и Орвеллу. Я писал это в глубокой тайне, по ночам, в своей квартире в городе Туле, и понятия не имел, что какие-то Замятин или Орвелл вообще существуют на свете. Сегодня могу сказать, что называться современным русским писателем и не знать, что существовали Замятин или Орвелл, это все равно, что называться поэтом, не зная, что ли, что были Лермонтов и Блок. Мучительно изобретать паровоз, не зная, что по дорогам бегают тепловозы и электровагоны. Я благословенный советский писатель, в своей благословенной Туле, работая с риском по ночам, изобретал велосипед, при чем по конструкции хуже, чем те, которые в Лондоне сотнями пылятся по магазинам, 8-10 фунтов штука.

Это лишь один штрих из сотен. Общая картина гораздо сложнее, но для

⁴⁾ Когда Кузнецов это писал, Солженицын был еще в Сов. Союзе. — Прим. ред.

меня важнее всего оказалось открытие: что мы в СССР, «деятели культуры», находимся на ТАКОЙ ступени невежества, нет, я этого не ожидал. Три года я непрерывно учусь и пытаюсь наверстать. Сегодня несколько новыми глазами просматриваю привезенные из СССР свои рукописи — и почти не могу понять: как можно было такие наивные, окоселые, китайские вещи всерьез думать и писать, как драгоценность переснимать, везти через границу... Можно было и не переснимать. Этот эклектический сумбур имеет разве лишь цену сырья, Чеховских записных книжек, откуда можно выбрать детали, фразы... Еще — благодатный материал для психолога, социолога, философа, не знаю кого еще, кто вздумал бы исследовать странный, перекошенный отросток рода «гомо сапиенс», вида «гомо-советикус», подвида «советский письменник», если это интересно, если это вообще кому-нибудь нужно...

Как видите, трудный случай. Я благословляю судьбу за то, что она привела меня в сегодня. Если она была так добра ко мне, то, может, отпустит еще и времени жизни? Ах, как хотелось бы успеть. Я-то ведь пишу, каждый день пишу, а наутро перечитываю и вижу: нет, не все ключья шерсти сошли, и вот клок, и вот, я сгорю со стыда, если таким выйду на люди. Впервые в жизни ощущаю, что работаю действительно по-настоящему, это очень счастли-

вое ощущение, кто однажды испытал его — верните его хоть десять раз в клетку, он будет десять раз бежать или погибнет, но жизнь и работа по прежнему, по советски для него уже не возможна.

Мы можем только еще раз выразить сожаление, что А. Кузнецов был слишком скромным, что он почти ничего не печатал и только вел беседы со своими соотечественниками по радио «Свобода». Эти беседы были весьма важны, слишком многим не нравились их бескомпромиссность, честность и реалистический подход к тому, что есть, все еще есть на нашей несчастной родине.

Сердечный припадок А. Кузнецова с очень странными симптомами случился вскоре после того, как был убит отравленным зонтиком болгар Марков, с которым А. Кузнецов был в дружбе и обдумывал некоторые совместные планы. Казалось, что писатель уже оправился. Он начал даже снова писать передачи и радовался рождению своего ребенка.

Смерть настигла совершенно неожиданно. Писатель вернулся домой с прогулки, чувствовал себя как будто хорошо, сел на стул и... свалился мертвым. Он оставил после себя молодую вдову и четырехнедельную дочь.

Радость по поводу его смерти, вероятно, снова синхронная: советские коммунисты радуются наравне с некоторыми «диссидентами». Печалются об уходе от нас убежденного антикоммуниста все борцы против коммунистического зла, какой бы национальности они ни были, а в рядах русской эмиграции, какого бы призыва, первого, второго или третьего. Определяет не время, когда попал человек в эмиграцию, а его убеждение, его настроенность, его способность видеть жертвы, сочувствовать им, бороться за них, или же его снобистское желание сочувствовать только палачам, потому что в данный момент это модно. Покойный жалел жертвы, а не палачей. Плач жертв горел в его душе. И мы верим, что Господь примет его душу и простит ему все его заблуждение в трудной жизни в наше страшное время.

В. КОБЫЛИН

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

(Неосуществившиеся надежды и осуществившиеся последствия)

В связи с сорокалетием начала второй мировой войны, интересно сделать хотя бы краткий анализ тех возможностей, которые существовали в начале этой войны и тех последствий, которые совершенно изменили политический облик Европы и предreshили весь ход событий во всем мире.

Положение в Европе во второй половине тридцатых годов стало резко изменяться. Появление у власти Гитлера в Германии изменило соотношение сил сперва политического, а затем и военного характера. Франция, бывшая гегемоном Европы в двадцатых годах после заключения Версальского договора, была ослаблена поли-

тическими скандалами, коррупцией и «народным фронтом» Леона Блюма. Когда Гитлер, вопреки постановлению Версальского договора, ввел свои войска, еще очень незначительные, в Рейнскую область, Франция ограничилась только протестом, не сопроводившимся никакими санкциями. Затем, когда весь Версальский договор был превращен в клочок бумаги, ни Франция, ни Англия не реагировали с достаточной решительностью и авторитетом.

Затем события пошли с калейдоскопической быстротой — «Аншлус» Австрии, унижительный для западных держав «Мюнхен», чешский «протекторат», предьявле-

ние Польше оскорбительных требований и, наконец, полет фон Риббентропа в Москву и заключение германо-советского договора. Это было прелюдией к началу военных действий Германии против Польши.

По этому договору три прибалтийские республики — Литва, Латвия и Эстония должны были войти в «зону влияния» Советского Союза. Тут был и обман и заведомая ложь. Вызванные в Москву представители этих стран должны были подписать договоры о допущении военных и морских баз Советского Союза на свои территории с сохранением государственного строя, существовавшего в этих странах. Через восемь месяцев после нелепой и грубо подтасованной советской провокации Прибалтика была советизирована и присоединена к Советскому Союзу. Еще до войны с Германией сотни тысяч были сосланы на крайний Север или расстреляны на месте.

В сентябре 1939 года началась вторая мировая война. Военные действия, которые открыла Германия против Польши, были и началом тех «невообразимых страданий», навстречу которым пошел почти весь мир. Наибольшие страдания выпали на долю русских. Эти русские разделяли различные убеждения, были «правыми» и «левыми», «советскими» и «старыми» эмигрантами, но от этого страдания их не уменьшались.

Советские подданные должны были делать все, что им приказывала советская власть («родная», как писалось в казенной советской печати); русские эмигранты в Польше и Прибалтике бежали от «освободителей» или попадали в чекистские застенки; русские, оказавшиеся в «зоне влияния» Третьего Рейха должны были соблюдать сугубую осторожность, чтобы не попасть в Дахау или другие «чудесные» места.

Среди правящих кругов Германии было три центра, которые по разному рассматривали «русский вопрос». Это — военные круги во главе с генеральным штабом, министерство иностранных дел и N.S.D.A.R.P. т. е. национал-социалистическая партия.

Наиболее благожелательными в разрешении этого вопроса были военные круги, которые предполагали сотрудничество того или иного характера с эмигрантскими политическими группировками. Министр фон Риббентроп, слепо проводивший все предначертания и даже скрытые пожелания «Фюрера», был против этого сотрудничества, но среди высших чинов министерства были люди, стремившиеся к привлечению русских эмигрантов к образованию какого-то «центра». И, наконец, партия решительно отвергла участие в чем-либо русских антиком-

мунистов. В дальнейшем мы увидим к чему стремились партийные верхи.

На Нюрнбергском процессе был прочитан целый ряд документов, освещавший цели Гитлера, которые он хотел достичь при помощи войны, предполагавшейся как «Blitzkrieg», что вначале и имело место. Вот, что заявил Гитлер в Оберзальцберге германским генералам 22 августа 1939 г. после заключения 21 августа германо-советского пакта. «Мое решение напасть на Польшу было принято прошлой весной. Я решил договориться со Сталиным. Через несколько недель я протяну руку Сталину на новой, общей русско-германской границе, и мы совместно займемся перераспределением мира. Наша сила — в быстроте и суровости. Чингис-хан истребил миллионы женщин и детей — умышленно и с легким сердцем. Однако история видит в нем только основателя великой империи. Что скажет обо мне расслабленная цивилизация — мне безразлично».

После Польши Гитлер успешно провел молниеносные удары против Бельгии, Голландии и Франция была разбита только потому, что 110 дивизий, которыми располагали французы и англичане, оставались совершенно пассивными против 23 дивизий Германии, стоявших на Западном фронте. Все вооружение Германии было создано уже после начала военных действий. Не только вооружение, но и сама армия. В начале сентября 1939 г. Германия имела максимум 50 дивизий. В конце октября их было уже 75, а в мае 1940 г. — 120. Против Польши действовало пять танковых дивизий, против Франции — десять. Документы Нюрнберга подтверждают, что в 1939 году Германия не была в состоянии вести войну на два фронта. Но Гитлер строил свои планы на психологическом расчете — этой наивысшей форме стратегии. Французская армия была создана для обороны. Таким же был и дух французов. Разгром Франции был уже предрешен. Поход в Данию и Норвегию укреплял положение Германии на севере.

После разгрома Франции Гитлер не смог добиться каких-либо результатов в отношении Англии. Приезд Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. был поворотным пунктом в отношениях Германии и Сов. Союза. Гитлер был встревожен требованиями Молотова. Его реакция была очень быстрой. Три недели спустя он составил то, что представляет собою замечательный документ войны — директиву № 21, известную под именем «план Барбаросса». Эта директива начинается так: «Необходимо, чтобы вооруженные силы Германии были в состоянии сокрушить

Россию в течение короткой кампании».

Интригами Англии в ночь на 27-ое марта 1941 года в Белграде произошел переворот явно антинемецкого характера, причем английский посланник заявил, что Англия придет на помощь Югославия «всеми своими средствами».

Объявленная Германией война длилась предельно коротко. Немецкие бомбардировщики массированными налетами каждые четверть часа сбрасывали свой страшный груз на обезумевшее от ужаса население столицы, и это было и началом и концом войны. Германия одним ударом значительно улучшила свое стратегическое положение и германская армия производила впечатление непобедимой. Но из-за интервенции на Балканах наступление на Россию откладывалось. Это обстоятельство значительно ухудшило шансы Гитлера. Последствия этой отсрочки были безмерны. Если бы война в России началась на шесть недель раньше, то совершенно несомненно, что германские армии могли бы достигнуть своих целей еще в начале зимы.

Перед самой войной с Советским Союзом, в Берлине были сделаны робкие попытки военных германских кругов к привлечению видных представителей русской эмиграции к сотрудничеству. К чести этих представителей надо сказать, что они не пошли на компромисс из-за каких-то неясных и туманных обещаний в отношении будущего России. Но и эти попытки были пресечены предельно грубыми заявлениями партии. Сотрудничество с немцами носило после этого только индивидуальный характер и сводилось к сотрудничеству чисто технического характера. Так было до появления Власова и начала Освободительного движения.

Почти накануне войны с Советским Союзом Гитлер созвал своих военачальников и заявил, что он предусматривает четыре недели упорных боев на границах, затем сопротивление должно было постепенно ослабевать. Это значило, что СССР должен был быть покорен еще до наступления зимы.

22-го июня 1941 года без пограничных инцидентов, без обмена нотами, без ультиматума, без всякого предложения Германия объявила войну Советскому Союзу. Рано утром силы германских вооруженных сил вторглись в пределы СССР.

Гитлер предполагал уничтожить советские военные силы в кратчайший срок, то есть имел в виду «блицкриг». Это было неосуществимо. Огромные пространства, ресурсы, неисчерпаемые резервы СССР, а затем и помощь Америки, обрекали всю затею Гитлера на провал.

И только политическая акция могла бы привести немцев к победе. Это не завоевание, а освобождение России от большевизма, ставка на население Советского Союза, союз с антикоммунистическими силами России и военная и экономическая помощь освобожденному от большевизма русскому государственному организму.

Но для этого у Гитлера не хватало ни ума, ни благородства, ни здравого смысла. Опьяненный успехами своих походов в Польшу, Франции, Скандинавии и на Балканах этот маньяк без всяких нравственных устоев вызвал против себя ненависть всего мира. Жестокое отношение к пленным, зверская расправа с евреями, поляками и многими русскими, превращение насильно вывезенных людей из оккупированных стран в рабов, вынужденных работать на фабриках и заводах Германии и привело к поражению последней, ее разделу и длительной оккупации. Но в начале похода против СССР никто не предполагал, что все это произойдет. В своих обращениях по радио и в печати, в своих выступлениях на различных собраниях, Гитлер и его сподвижники говорили о коммунизме как о чуме, которую нужно уничтожить, говорили об освобождении народа от комиссаров и многие, в том числе и русские эмигранты, слушали это и хотели этому верить. Разочарование не заставило себя долго ждать.

Когда на заре 22 июня 1941 года немецкие бомбардировщики разгромили советские аэродромы, а несметные танковые и пехотные части ворвались в пределы Советского Союза, тогда на весах судьбы была будущность не только последнего, не только Европы, но и всего мира. И только отсутствие какой-либо совести, полное пренебрежение к нравственным началам и непонимание значения последних, сперва со стороны Гитлера, а затем и западных демократий, не только спасло коммунизм с его цитаделью в Москве, но и привело к невероятному укреплению этого страшного зла нашего времени.

Гражданское население советских сел и городов встречало передовые части немецкой армии хлебом-солью и цветами. Несчастные забитые русские люди, превращенные за четверть века преступной властью большевиков в безгласных рабов, хотели видеть в немцах освободителей от власти коммунизма. Очень короткое время эти иллюзии были и у населения и у бойцов и командиров красной армии. Эти иллюзии кончились у последних, как только они оказались за колючей проволокой лагерей для военнопленных. Вопреки всем обещаниям, которые были написаны на немецких листовках.

предназначенных для сдающихся в плен и сбрасываемых с самолетов, положение пленных было очень тяжелое.

Уже с конца 1941 года судьба Германии была predetermined. Победы 1942 года были временным явлением и не могли выравнять баланса войны. Вступление в войну Соединенных Штатов Америки, предоставивших Советскому Союзу неисчерпаемые ресурсы своей богатейшей страны, делало неизбежное поражение Германии только вопросом времени.

Чрезвычайно интересно то, что Гитлер хотел сделать из России. На Нюрнбергском процессе были опубликованы материалы, раскрывающие подлинно дьявольские замыслы Гитлера. В первую очередь было намечено систематическое ограбление материальных богатств. Это было поручено Герингу и этот грабёж получил название «план Ольденбург». (Докум. 1317 P. S.).

Гимлеру, шефу СС, было поручено систематическое истребление живых сил нации. Документ 1919 P. S. излагает речь Гимлера от 4 октября 1943 г. к своим приспешникам. Вот выдержки: «То, что происходит с русскими, меня абсолютно не трогает. Прозвучание или страдания других наций меня интересуют лишь поскольку эти нации являются рабами нашей культуры. Если десять тысяч русских женщин умирают от изнурения, копая противотанковый ров, то меня это интересует лишь поскольку этот ров нужен для Германии.»

Розенберг заявил 20 июня за два дня до начала войны следующее: «Главной задачей Востока в этом году является питание германского народа. Юг России должен нам поставить необходимое пополнение питательного баланса Германии. Но мы не видим абсолютно никакого основания, обязывающего нас питать также и русский народ из продукции этих областей. Нет сомнения, что русских ожидает ряд очень трудных лет». (Док. 1058 P. S.). Гимлер в том же документе 1919 P. S. заявил: «Русский народ должен быть истреблен на поле битвы, или же поодиночке. Он должен истечь кровью.» Сам Гитлер в мае 1941 года на совещании со своими генералами заявил: «Война с Россией не может вестись с соблюдением законов чести. Она является одновременно борьбой идеологий и борьбой рас и она должна вестись с небывалой до сих пор беспощадностью.»

Но после ошеломляющих успехов первых четырех месяцев положение на фронте в Сов. Союзе стало ухудшаться. Поражение под Москвой было поворотным моментом в этом походе. Исключительные морозы, гря-

нувшие в начале декабря 1941 года, остановили наступление германских армий на Москву. Масло в орудиях замерзло, и они перестали действовать. В тылу армии все паровозы замерзли. На фронте орудия и ручное оружие отказывались служить. Морозы так дезорганизовали армию, что приказы «фюрера» не могли быть исполнены. Потери были огромны, так как самое легкое ранение означало смерть.

Самой большой ошибкой Гитлера в русском походе было наступление на Москву, начатое необдуманно и продолжавшееся безрассудно.

Через год, когда Гитлеру понадобились его танковые кадры, их уже не было.

Затем «Сталинград», когда совершенно обезумевший Гитлер рычал, что «Сталинград — это крепость и мы должны держаться.» Последствия всего этого катастрофичны.

Единственным шансом Гитлера было политическое решение вопроса, то есть союз с русским народом против власти советского правительства, вернее, коммунистической партии.

Гитлер этого не хотел. И только неизменно ухудшающееся положение германских вооруженных сил во всем мире, и в особенности на восточном фронте, заставило Гитлера пойти на уступки.

Возглавители Вермахта понимали, что без помощи русского народа вся военная акция на востоке обречена на провал. Они всячески поддерживали идею создания Русской Армии в рядах Вермахта. Но нацистская партия препятствовала подобным начинаниям и тормозила проведение в жизнь этого необходимого для победы немцев решения. Этим объясняется вся двойственность, неясность и чрезвычайная нерешительность немецких инстанций в деле создания Русской Освободительной Армии. В 1943 году в немецкой армии число русских частей было очень значительным. Все они были разбиты на мелкие единицы. Генерал Власов, который из пленного советского генерала волей судеб становился возглавителем Русского Освободительного Движения, стремился всех этих людей зачислить в Р.О.А., то есть Русскую Освободительную Армию. Все время шла упорная борьба между Комитетом Освобождения и немецкими правящими кругами.

Постепенно из-за катастрофического положения на фронтах немцы стали уступать, но все уже было запоздалым. И назначение Власова главнокомандующим Р.О.А. и Пражский Манифест, все было безнадежно запоз-

далым — Третий Рейх агонизировал.

Немцы, конечно, понимали, что русские в частях Р.О.А. были против большевиков и против нацистов, по очень простой причине. Все русские остовцы и военнопленные ненавидели немцев острой ненавистью. Эти люди на собственном опыте убедились, что национал-социалисты никогда не будут друзьями русских и поэтому они инстинктивно искали для себя других союзников. Если бы чины Р.О.А. знали, что представляют собой эти «союзники», то они, конечно, не имели бы никаких иллюзий в отношении этих господ. Выдачи казаков в Лиенце, частей Р.О.А. в Дахау, Платлинге и других местах показали, что представляли собой эти «союзники».

В феврале 1945 года в Ялту приехали безнадежно больной и почти невменяемый Франклин Рузвельт и Черчилль. В свите Рузвельта находился и Алджер Хисс, осужденный через 10 с лишним лет за работу на Советский Союз. В ходе дел конференции Сталин без особого труда получил от Рузвельта свободу действий для коммунизации Восточной Европы. Здесь же были заложены основы «репатриации» всех граждан Советского Союза, находившихся в Западной Европе. После чрезвычайно легкой расшифровки этого термина, мы увидим, что выдачи людей, бежавших так или иначе от безбожной, жестокой, сатанинской власти, становятся легализованными. И тут мы наталкиваемся на совершенно непонятный и жуткий феномен. Западные демократии, то есть Великобритания, Соединенные Штаты Америки и Франция, начавшие войну с нацистской Германией во имя гуман-

ных идей, отвергавшие все бредовые идеи нацизма, как превосходство германской расы, преследование евреев и поляков, жестокое отношение к населению оккупированных стран и к военнопленным, начинают повторять все приемы национал-социалистов и отрядов СС в отношении несчастных русских людей, мужчин и женщин, что имело место в Лиенце и других местах «репатриации», то есть выдачи людей жестокой и немолимой власти, обрекая их на мучительство и смерть.

Что могли думать и чувствовать русские люди, пережившие все ужасы германских лагерей для военнопленных и выдачи англичанами и американцами их «родной» советской власти?

А Восточная Европа? — Обрекая миллионы обитателей Восточной Европы на полубрабское, полуголодное и подверженное тирании преступной клики, именующей себя компартией, существование, ни Рузвельт, ни остальные «лидеры» ни на минуту не задумывались о том, что они совершают предательство, предают миллионы людей на страдания и мучения.

Кто об этом думал? — Все были чрезвычайно довольны.

Так не будем удивляться тому, что происходит теперь во всем мире.

Отход от нравственных начал, в котором повинны и коммунисты, и нацисты, и западные демократии, совершенно изменил весь мир. Мы присутствуем при событиях, которые являются следствием всего того попустительства, которое проявил «Запад» и во время второй мировой войны и после ее окончания.

В. СИДОРОВ

Инфильтрация семантикой

В американской прессе недавно появилась статья, заслуживающая внимание не только американцев, которым она была предназначена, но и общественности других стран. Автор ее, профессор Д. П. Мойнихан, бывший посол Соединенных Штатов при Объединенных Нациях, а ныне представитель Нью-Йорка в американском сенате, избрал своей темой продвижение коммунизма в западном мире. В отличие от многих своих сограждан, сенатор Мойнихан отдает себе отчет в опасности коммунизма, и его статья анализирует усилия, делаемые коммунистами, чтобы вызвать на западе полную переоценку ценностей.

По меткому определению, предложенному известным профессором Ф. С. Ильке, Мойнихан называет эти усилия «инфильтрацией семантикой». Инфильтрация заключается в том, что, при оценке или описании политических событий, продвигаются формулы, дающие ложное представление о действительности. Отрицательным явлениям при этом придается положительный характер. В виде примера, сенатор Мойнихан приводит так называемое «освободительное движение». Явление, преподносимое Западу под этим названием коммунистами, никоим образом нельзя назвать освободительными. Тоталитарное по существу, оно основано на

безразличии к человеку и его правам и на беспредельной жестокости. Путем инспирации коммунисты вводят формулу освободительного движения в странах чуждых коммунизму. Постепенно забывается истинный характер движения. Ему начинают придавать черты, свойственные западному пониманию слова «освобождение». Кончается тем, что люди на Западе теряют способность видеть происходящее в правильном свете и слепо следуют коммунистическому тезису, что данное движение несет освобождение.

Инфильтрация семантикой, говорит далее Мойнихан, лишь одна сторона крупной операции, имеющей целью заменить политическое мировоззрение Запада (или, по его выражению, «политическую культуру») мировоззрением тоталитарной системы. Советской властью захватываются общепризнанные понятия — вроде слова «мир». Эти понятия переиначиваются и остается форма, в которую вкладывается новое содержание. В этом измененном виде они начинают служить коммунистической пропаганде. Так, совсем недавно, под предлогом защиты свободы слова, в Юнеско делались попытки уничтожить свободу печати.

Сенатор Мойнихан абсолютно прав. Спорить с ним можно только относительно объема инфильтрации семантикой. Он останавливается на полпути. Наступление коммунистов направлено не только на политическое мировоззрение Запада, но и на мировоззрение всех стран, не принявших коммунизма, будь они в Азии или Австралии, и на культуру, как мы ее понимаем, вообще. Повсюду, например, получило право гражданства выражение «Третий мир». Между тем, этот термин пушен коммунизмом в 1955 году, во время Бандунгской конференции, с определенной целью. Благодаря этому термину образовалась группа противников капиталистических стран и всякая страна, переходящая в созвездие третьего мира, автоматически отделяется от антикоммунизма и как бы всасывается в плеяду противников свободного мира.

Другим примером легкомысленного следования по стопам коммунистической инспирации служит принятие официальными кругами и общественностью свободного мира слова «нормализация» при описании отношений между странами. Смысл фразы «нормализация отношений» вопрос весьма спорный. Что кажется нормальным одному, может показаться крайне ненормальным другому. В коммунистической интерпретации, нормализация отношений между демократической страной и коммунистической означает сдачу позиций демократическим партне-

ром в пользу коммунизма. За примером идти недалеко. Нормализация отношений между Соединенными Штатами и Китаем ознаменовалась отступлением Запада, хотя бы в вопросе о Тайване. Поэтому внедрение слова «нормализация» в политические понятия свободного мира имеет целью приучить антикоммунистов понимать нормальные отношения с коммунистическими странами как подчинение коммунизму.

В коммунистической атаке на мировоззрение и культуру свободного мира особенно выделяется наступление на русскую культуру, хранительницей которой в течение более пятидесяти лет была русская эмиграция. Здесь играет довлеющую роль небольшая группа недавних эмигрантов, носящая название «инакомыслящие», (выражение, само по себе жуткое своей неуклюжестью и неблагозвучностью). Поток полуграмотных писателей, которым наградило нас, в придачу к ценным единицам, движение инакомыслящих, осыпает нас, как из рога изобилия, жаргоном хамов и странными политическими теориями. Пишет каждый кому не лень и инакомыслящие критики восхваляют заурядных писак как «стихийно талантливых» гениев. От души жаль редакторов зарубежных газет и журналов, которым приходится из гуманитарных побуждений печатать творения этих несчастных посредственностей. В инакомыслящей литературе этой категории царствуют бездарность и безграмотность. Что значит, например, «рабская причинность»? Что такое «нравственные таланты»? Как понять фразу «подобное заявление будет рассматриваться изменой»?¹⁾ С каких пор измена рассматривает заявления?

Важнее безграмотности, может быть, то обстоятельство, что многие инакомыслящие действительно мыслят иначе, чем большинство из нас. Невольно или преднамеренно, они часто приходят на помощь коммунистической пропаганде. Некоторые пытаются нас убедить в гуманности ленинизма, ложно утверждая, что доктрина Ленина прекрасна и что она извращена бюрократами в Кремле. Иногда хочется спросить, слегка переиначивая слова, прогремевшие в истории: что это — глупость или выполнение задания?

Тем временем, из зарубежных газет и журналов понемногу вытесняются серьезные писатели эмиграции, заменяемые инакомыслящими. Большинство произведений последних построено по одному шаблону. Беллетристика, псевдонародная по стилю, пест-

¹⁾ Правильно было бы: «подобное заявление будет рассматриваться как измена». — Прим. ред.

рит словечками, близкими к матершине или созданными уголовным миром. Она часто преподносит читателю неологизмы, искусственно, но не искусно придуманные автором. Что касается политической литературы, в статьи обычно вкраплены едкие замечания по адресу Соединенных Штатов и порядков западного мира. Трудно определить, что в этой литературе является последствием инспирации, а что результатом советского воспитания.

Наступление на культуру через посредство русской эмиграции дает, увы, плоды не меньшие, чем нападение на американское мировоззрение, о котором говорит сенатор Мойнихан. Читатель зарубежной литературы привыкает ко взглядам инакомыслящих, к хамству и бездарности. Его требования снижаются. Мысли коммунистического происхождения уже не шокируют, как прежде. Хамство не коробит, безграмотность не ре-

жет ухо. Исковерканный русский язык становится приемлемым.

Влияние русского читателя на образ политического мышления страны, где он проживает, и на окружающую его среду очень велико. К нему идут за справками о коммунизме и о положении в Советском Союзе. Он знакомит иностранца с русской литературой и представителями русской интеллигенции. В Соединенных Штатах, например, у эмигранта множество контактов, в Конгрессе и в научном мире, и к нему обращаются за советом крупные общественные организации антикоммунистического направления. Против него поэтому направлено острое коммунистического наступления на культуру.

Защитить эту мишень коммунистического наступления могут только соблюдение крайней осторожности и внимательное изучение преподносимой нам литературы.

В. ИЛЬИН

ПЛЕЯДА ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ СИМВОЛИЗМА *)

Тютчев, Фет, Алексей Конст. Толстой старший, Случевский, Влад. Соловьев, Аполлон Григорьев.

Эту «плеяду предшественников символизма» можно было еще назвать «плеядой пловцов против течения». Действительно в порядке диктатуры общественно политического радикализма на поэзию надвигались густейшие сумерки, с последовавшей затем непроглядной ночью, конца которой не видно и «по сие время». Кратковременный русский ренессанс между двумя революциями (1905-1917) не смог преодолеть этого все-российского безвременья поэзии. И дело тут не только в терроре одичалой критики и в ничего не смысливших в искусстве редакциях «передовых журналов».

Выходило гораздо хуже: по стопам вандала «разночинца», превозгласившего «все-рьез и надолго» — лозунг: пара сапог выше Шекспира, пошла буквально вся Россия. И самые культурные люди или молчали, или «позорно заискивали у этого сброда» — по выражению Достоевского. «Сброд» несомненно имел твердое намерение вынуть так сказать из России ее артистическую душу и заменить... лучше и не говорить чем. Во всяком случае чем-то несравненно худшим,

чем пар, хотя бы даже отработанный, паровой машины. Да и паровой машиной совсем не интересовались, предоставив этот интерес «англичанину мудрецу», распевали:

Англичанин мудрец
Чтоб работе помочь
Изобрел за машиной машину,
А наш русский мужик,
Коль работать невмочь,
Так затаяет родную дубину.

И выходило что «наш русский мужик только и способен, что на распевание» дубины, стало быть, и сам есть всего навсего «дубина». Повидимому от него ничего другого и не требовалось, так как эта дубина должна была по мысли передовых уничтожить веру, культуру, а в заключение и самого «манипулятора». Задумано было в своем роде недурно. В первую очередь или «первым номером, должна была убраться со сцены» (по выражению Нечаева и Бакунина, в их Катехизисе революционера) и уйти в небытие художественная литература и поэзия. Как некогда в древней Византии все началось с ИКОНОБОРЧЕСТВА, ибо как же иначе и назвать весь этот погром красоты, учиненный безбожниками нигилистами, как не «иконоборчеством»? Но упрямая горсточка артистов «жрецов прекрасно-

*) Вдова проф. В. Ильина предоставила нам интересную и глубокую статью ее покойного мужа о русской поэзии. Редакция приносит В. Н. Ильиной свою благодарность.

го» не намерена была сдаваться и выставила против лозунга «пара сапог выше Шекспира» контр-лозунг:

Мы же возбудим течение встречное
Против течения!

Этот лозунг-рефрен знаменитой поэмы гр. Алексея Конст. Толстого, которая так и называется «Против Течения» и выражает собой самый героический и самый славный из всех «резистансов», когда-либо имевших место в истории культуры. Эта крошечная группа была совершенно безоружна и одинока: «свои» на нее «улюлюкали» и плевали, а Запад о ней либо понятия не имел, либо присоединялся к гонителям, за которыми было «демократическое прогрессивное большинство», да и из ненависти к России и к ее культуре.

Но Западу было совершенно невдомек, да и в России, за исключением таких исключительных умов как Достоевский, что борьба за красоту была борьбой за Бога и за человека, борьба за образ Божий в человеке, который всеми правдами и неправдами стремились заменить образом гориллы или же апокалиптического «зверя» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Да и сам «Запад» не только решительно подал свой голос за сапоги против Шекспира и за обезьяну против Бога, но сам НАЧАЛ это иконоборчество, создав МАРКСИЗМ и ДАРВИНИЗМ.

Удивляться ли тому, что АПОСТОЛЫ УРОДСТВА В РОССИИ, ГОНИТЕЛИ КРАСОТЫ И НЕНАВИСТНИКИ ПУШКИНА — БЫЛИ ВСЕ СПЛОШЬ ЗАПАДНИКАМИ, ДА КАКИМИ — со стремлением настезь открыть Западу ворота России и отдать ее на поток и разграбление Западу.

Сам Запад был здесь не при чем и только дивился «щедрости» русских нигилистов, которым было мало, что иностранец Дантес убил самого умного и самого гениального человека России, Пушкина, и постарались далеко опередить физического убийцу Пушкина: Писарев постарался покрыть «Нерукотворный Памятник» Пушкину густым слоем того, что французы именуют...

XIX век есть век нарастающего неверия и не даром Достоевский хотел озаглавить свою трилогию красноречивым именем — «Атеизм». Успел он написать только первую часть, но эта первая часть есть не что иное, как «Братья Карамазовы». Всякому, хоть немного задумывающемуся, читателю ясно, что в «Братьях Карамазовых», так же как и в «русской трагедии» «Бесы» (так гениально переименовал великое творение Достоевского о. Сергей Булгаков), основ-

ная тема — АТЕИЗМ, и атеизм же является главным, хотя и анонимным героем романа.

Как в «Бесах», так и в «Братьях Карамазовых», князь века сего, «хотя и ведет бой с Богом», но главный свой удар направляет в сторону КРАСОТЫ. В обоих творениях своих Достоевский с гениальной проницательностью показывает, что «дух самоуничтожения и небытия» редко направляет свой прямой удар в Самого Творца. Да это и невозможно: «Бога никто не видел нигде же, и на Него не смеют чины ангельские взирати».

У Бога есть Его любимая эманация и любимое дитя, то что составляет Его Славу, Его творящую и спасающую силу. Его как бы второе Я. Это второе Я Бога есть КРАСОТА, являющая Себя прежде всего в несозданной Иконе Бога, в рожденном, несотворенном и воплощенном от Духа Свята и Марии Девы Единородном и Единосущном Сыне. Он и есть «сияние Славы Его и Образ Ипостаси Его» (Евр. 1, 3).

И когда евангелист хотел передать предельной силы выражением красоты преобразившегося на Фаворе Господа, то он сравнил Его сияющий лик с солнечным сиянием: «и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» (Матф. 17, 2). Но хорошо наименовал древний поэт солнце и его отражение — луну: «Краса над красами, лучистое Солнце и лик благодатной Селены». Этой иконе всех икон и свету ею излучаемому не уставали петь гимны — поэты, музыканты, литургисты, мыслители-метафизики. И единственная, дошедшая до нас строфа Платона говорит о том же:

На звезды глядишь ты, звезда моя светлая,
звезды все это ведь солнца и какие!

Вот на профанацию и на помрачение Славы Божией — Его красоты, разлитой всюду в мире и ради которой и мир то был создан и без которой и дышать нельзя ни единого мгновения — на потемнение Божественного и «Софийского Сияния» (Зогар Шехина, по-еврейски) и направили свои удары новые иконоборцы, во всем подражавшие и по сей день подражающие иконоборцам древне-византийским.

Жестокий наскок на христианство как со стороны лжеимянного разума, так и со стороны ложных сект и религий превратили атеизм в повальную духовную болезнь даже тех, кто хотел верить, но от кого она была отнята усилиями критики, которой не могли, не умели или не хотели противопоставить контр-критики. Это состояние со страшной

силой передал Тютчев в известном стихотворении:

Не плоть, а дух растлился в наши дни
И человек отчаянно тоскует.

Тоска «мука по где-то там сияющей красе» скажет в начале нашего столетия большой русский поэт — Иннокентий Анненский. Эта печаль, эта тоска, эти слезы «по где то там сияющей красе» единственно, и то только и осталось многим даровитым или гениальным людям XIX века — со стремлением уловить немного из этой запредельной красоты и закрепить ее. Но в наше время где-то там сияющей красе» единственно, и в своем безобразии утративший следы образа Божия «человекоподобное-двуногое» существо довольно похрюкивает как свинья в грязи. Иконоборцы XIX в. добились своего: «Жил дед свиньей — зажил внук поросенком»... Поэтому лозунг:

Дружно гребите во имя прекрасного
Против течения,

оставленный «Плеядой» отнюдь не был простым «естеством», как в этом нас стараются уверить. Эта борьба была ЗА НЕВЕДОМОГО БОГА или, вернее, за Бога, ставшего неизвестным, но оставившего в мире свой яркий и сияющий след, по которому познается везде Его присутствие — КРАСОТУ СВОЕГО ТВАРНОГО МИРА. И не даром утративший веру во Христа и вообще ставший на грани атеизма гениальный Фет, все-таки чувствовал себя жрецом-теургом и через свое служение красоте и «ее изображению» сохранил связь с миром Божественного «софийного», который познается по единому и господствующему признаку — по красоте. В этом смысле Фет чувствует себя не только жрецом, но и знаменосцем, вернее хоругвеносцем.

Хоругвь священную подъяв своей десной
Иду, и тронулась за мной толпа живая
И потянулись все по просеке лесной
И я блаженно горд, святыню воспеваю.

Эта «Плеяда» действительно «спасала мир», прославляя красоту и творя красоту как великую освободительницу от демонской одержимости. Предлогов для этой одержимости могло быть сколько угодно — как правило царили социально-политические предлоги, но за всем этим царил все один и тот же стимул: ненависть к красоте как к Божьему дару, ко всему тому, что напоминает о Боге. За невозможностью уничтожить Божество, стремились стереть с лица земли Его теургов, служивших жертвоприношениями красоте.

Но так как красота и чистота неразделимы и там, где грязь, там и уродство, то

отсюда еще и служение чистоте. Какой бы предмет ни избрали представители «Плеяды», всюду господствует чистота и особенно в той сфере, где творчество разгорается с особенной силой: в сфере отношения к женщине. Культ вечно женственного сочетался с культом вечно девственного. Возрождались романтизм и поздние цветы и плоды этого неоромантизма и предсимволизма отличались особым благоуханием и особенной сладостью.

Из Плеяды самым старшим и самым одаренным был современник Пушкина, Федор Иванович Тютчев (1803 - 1873). На вершинах русской поэзии ныне его имя и называется в непосредственном соседстве с именем Пушкина. Да, огромный ум Тютчева тоже делает его достойным сидеть за одним столом с Пушкиным. Ум Тютчева был не только острый и режущий ум рапиры как ум Пушкина. Это был не только «острый галльский смысл», но Тютчев был еще и великим метафизиком, в нем открывались бездны «сумрачного германского гения». Тютчев не только занимает одно из первых мест на вершинах русской, но и мировой литературы.

Сравнительное долголетие, постоянная жизнь среди западной элиты и специальность дипломата сделали из Тютчева не только великого артиста но и великого мудреца. Есть что-то от древне эллинского досократика в этом удивительном, вещем поэте-символисте, что-то от Гераклита Эфесского «Темного». Темного для тех, которые подобно Скабичевскому ползали по земле «как черви слепые» и могли говорить только одни пошлости и мелкотравчатые глупости, например, бормотать что-то об «эстетизме» Тютчева, то есть о том, чего в Тютчеве вообще не было и не могло быть по свойству его гения как поэта и пессимиста как мыслителя.

Тютчев также, как и его родина, — слово без возраста. Напитанный с детства лучшими традициями классической греко-римской культуры и являясь в ЭТОМ, и только, к счастью, в этом, европейцем в лучшем смысле слова, по своим убеждениям был представитель свободолюбивых славянофильских установок и ненавидел войну, насилие и в дипломатии был подлинным миротворцем. ЛЮБОВЬ — вот что должно руководить отношением между народами:

Но старые гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,
Что исцелит их, что покроет?
Ты риза чистая Христа.

В этом смысле есть много аналогий между историсофией и политической мудростью

Тютчева и Хомякова и их историософско-политической поэзией. Последняя нередко удавалась Тютчеву, доходя до большой высоты, глубины и силы — вещь почти чудесная, ибо на политике словно лежит какое-то заклятие, в силу которого все, чего она ни коснется в области духа и творчества деградирует или вовсе гибнет. Вот почему политика искони была последним прибежищем людей, неспособных ни к чему другому или же способных лишь на акты, более чем сомнительные.

Но не надо забывать, что движущим мотивом политических вдохновений Тютчева и его политической поэзии была всегда Христова Любовь. Тютчев знал временами моральное негодование в своей политической поэзии, но никогда не знал ни ненависти, ни мести, ни тем более жажды крови и убийства, что так обычно для пишущих на эти темы людей Запада.

Что же касается метафизических основ поэзии Тютчева, то в них мы наблюдаем тот роковой дуализм, один из корней которого восходит к тому, что и можно назвать древнерусским двоеверием или лучше эллино-русским двоеверием. Отсюда великая трагедия, великий надрыв и жгучие страдания.

О вещая душа моя,
 О сердце полное тревоги.
 О, как ты бьешься на пороге
 Как бы двойного бытия
 Так ты жилища двух миров.
 Твой день болезненный и страстный,
 Твой сон пророчески неясный,
 Как откровение духов.
 Пускай страдальческую грудь
 Волнуют страсти роковые,
 Душа готова как Мария
 К ногам Христа навек прильнуть.

Эта великая трагедия души, раздираемой природными страстями и неудержимо влекущейся ко Христу, заканчивается всеразрешающей гармонией Марии «избравшей благую часть, которая не отнимается от нее» (Лук. 10, 42).

Изысканно образованный аристократ, говоривший по-русски с заметным иностранным акцентом и которого обычный разговорный и письменный язык был изысканно изящный французский язык, он был всей душой с тою «нишей Россией», о которой такой же изысканный и застегнутый на все пуговицы аристократ Александр Блок позже пропел со стоном:

Россия, нищая Россия
 Мне избы серые твои,
 Твои мне песни ветровые
 Как слезы первые любви.

И мнимый западник Тургенев, когда писал

свои ультра славянофильские «Живые Моши» взял в качестве эпиграфа строфу из «пронзительно унылого» благоговейного молитвенного стихотворения — одного из лучших Тютчева:

Эти бедные селенья
 Эта скудная природа
 Край родной долготерпенья,
 Край ты русского народа.

Не поймет и не заметит
 Гордый взор иноплемennyй,
 Что сквозит и тайно светит
 В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной
 Всю себя, земля родная,
 В рабском виде Царь Небесный
 Исходил, благословляя.

Всякий гений печален, сказал некогда Аристотель — и был прав. Гений много видит, много знает, а «кто умножает познание, тот умножает скорбь» (Экклезиаст). Но и обратно многими скорбями надлежит войти нам в царствие Божие. Великая скорбь, переполняющая сердце и мысль Тютчева, есть типичная скорбь мыслящего и чувствующего гения, которому Промыслом Божиим дано было вкусить ужас последней богоставленности, ужас и честь разделить скорбь Сына Человеческого в Его богоставленности.

Тютчев беспредельно любит природу, слышит и улавливает биение ее живого сердца, вливает в себя красоту ее создания как создания Божьего и вместе с тем ужасается последним ужасом, будучи поставлен лицом к лицу с той «бездной безымянной», бездной последнего «НИЧТО» и «ХАОСА», откуда мир и природа были вызваны к бытию творческим глаголом «да будет».

Можно сказать, что Тютчев в трагической части своей поэтической натурфилософии со всей силой выражает поставленную Св. Писанием обоих Заветов печальную тему ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СИРОТСТВА, ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПОКИНУТОСТИ и ЗАБРОШЕННОСТИ среди мировых пространств и ПЕРЕД ЛИЦОМ БЕЗДНЫ БЕЗЫМЯННОЙ, открывающейся в лоне самой природы с ее красотой. Эта тема ныне стала темой экзистенциальной философии — вот почему Тютчев может быть назван одним из самых передовых и современных поэтов.

Но как ни радикален в своем отчаянии и в своих трагических воплях Тютчев, все же он был и остался ХРИСТИАНСКИМ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТОМ. Впрочем и ветхозаветный псалтирь переполнен воплями, как и книга Иова ими переполнена, воплями и протестами по поводу человеческого сирот-

ства и трагедии безответной молитвы. Автор этих строк уже выступал в печати на эту тему, ссылаясь, между прочим, и на Тютчева. Никогда не надо забывать, что эта сторона составляет весьма существенный элемент как псалтиря, так и вообще Слова Божия, — ибо Само Слово разделило в этом судьбу человека и «с нами Бог, оставленный Богом» — по гениальной мысли А. С. Хомякова.

Сознание разрыва и бездны — печальная привилегия человека, которого «душа не то поет, что море».

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.

Невозмутимый строй во всем,
Согласье полное в природе.
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею создаем.

Откуда ж, как разлад возник?
И отчего в стихийном споре
ДУША НЕ ТО ПОЕТ, ЧТО МОРЕ
И РОПЩЕТ МЫСЛЯЩИЙ ТРОСТНИК.

И от земли до крайних звезд
Все безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне,
Души отчаянный протест.

Гибель состоит в том, что неразгаданное «наличное», но непознаваемое, так сказать, «наваливается» и раздавливает, рано или поздно.

В этом смысле можно даже сказать, что по Тютчеву «объективная природа», т. е. природа потемненная и падшая, не могущая быть освоенной и непонятая, согласно символике древняго «Сфинкса», рано или поздно раздавливает, убивает. В этом смысле, природа это то, что убивает, это смерть. Такую непознанную, непросветленную, «объективную», то есть вполне чуждую, убивающую природу, страшную «наличность» по Гейдеггеру мы находим и вне себя и внутри себя. Это то, что богословы называют первородным грехом и это гораздо страшнее того, что принято об этом думать и говорить. И внутри и во вне это — НОЧНОЕ. И тут и там оно противостоит животворному ДНЕВНОМУ. Это великолепно понял и выразил не только Тютчев, но и Тургенев — вот почему он сразу и один из первых оценил Тютчева.

Святая ночь на небосклоне взошла.
И день отрадней, день любезней,
Как золотой покров свила
Покров, накинутый над бездной.

И как виденье, внешний мир ушел...
И человек; как сирота бездомный
Стоит теперь и немощен и гол
Лицом к лицу пред пропастью темной.

На самого себя покинут он,

Упразднен ум и мысль осиротела
В душе своей как в бездне погружен
И нет извне опоры ни предела.

И чудится давно минувшим сном
Ему все светлое, живое...
И в чуждом, неразгаданном, ночном
Он узнает наследье роковое.

Ф. И. Тютчев создал не мало речений, которым суждено было навеки войти в сокровищницу человеческой мысли. Стоит вспомнить хотя бы гениальную формулу: «мысль изреченная есть ложь». Эта формула испортила не мало крови глупцам и бездарностям, вроде, например, Крымова, глупцам и бездарностям, носившим лохмотья с плеча их барина — Вольтера. Им не понять того, что позволить себе роскошь такого признания и вообще роскошь «нищеты духовной» может только гений. Вот по какой причине «много званых, но мало избранных».

По этой же причине роскошь непротивленья злу может себе позволить лишь духовный богач и аристократ, которому обеспечена вечная жизнь и, лицо которого «как твердый камень», по выражению св. пророка Исаии. Глупец и неверующий просто не в состоянии этого сделать за отсутствием «духовного капитала».

А если бы и попытались сделать, то получится то же самое, что получилось у Николая Ставрогина, когда он «снизошел» до «хромоножки» и «не воздал» Шатову за полученную им от него, слишком заслуженную, пощечину: получилась «обезьяна Бога», злая карриатура на праведность и ум, и на духовную силу, что с злобным наслаждением отметил Кириллов после дуэли Ставрогина с сыном Гаганова. И действительно, все кончается «страшной мстостью» со стороны Ставрогина: нож Федьки Каторжного, нанятого Ставрогиным, и револьвер Петра Степановича Верховенского, раба на побегушках у Ставрогина, мстят сторицей за понесенное Ставрогиным оскорбление.

И сколько таких «карриатур на праведность» и «поддельных гениев» разгуливают среди людей, обманывая глушцов и толкая в ямы слепцов... Но Тютчев, купивший себе право на подлинные признания лютейшими страданиями, которые могут выпадать лишь на долю гениев и праведников — сделал эти признания. Вот почему для богослова — амартолога, богослова, занимающегося изучением проблемы греха, — признания Тютчева, также как и откровения Достоевского и Толстого — настоящий клад. Не забудем, что Тютчев был любимейшим поэтом как Толстого, так и Достоевского.

(Продолжение следует).

Владимир РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

Грустно наблюдать культурный упадок эмигрантской прессы наших дней, особенно в статьях научного, полунучного и псевдонаучного типа; лучше бы их не писать, не зная ни русского языка, ни разбираемого предмета. В «Единении» от 16 и 23 февраля, доктор наук М. И. Никитин, излагая биографию Н. Н. Миклухо-Маклая, называет малайский султанат **Джохор** то **Жахор**, то **Жехор**, а **Марокко** именует **Морокко**, на аглицкий манер; и, обмолвившись один раз правильно **Уэльс**, шпарит дальше недопустимое **Уэлс**. Что уж и говорить об ужасном Лисабон, вместо Лиссабон... Впрочем, и Митрофанушка считал, что учить географию нужно лишь извозчикам. Не ладит доктор наук и с грамматикой. Нельзя выражаться **он сопровождал Генри Фол**, а надо: **Генри Фола**. Вовсе поражает читателя замена сочетания **Берег Маклая**, хранящего память о великом русском путешественнике, нелепой комбинацией **Маклейское побережье**. Это с чего? Прочел бы хоть зарубежный маклаевед книжку С. Маркова «Тамо-рус Маклай» (Москва, 1975), элементарную, не без промахов, но все же относительно грамотную.

Вот и в неплохой, в общем, статье Н. К. «Агрессия императорской России в Тихом Океане», в «Русской Жизни» от 8 мая, выплывают некие диковинные **острова Маркезас**; по-русски есть только **Маркизовы острова**. В той же газете, от 13 марта, крайние легкомыслие и развязность проявляет Ю.К.П., в заметке «Похороны иероглифа». Оказывается, новая русская орфография была задумана **в угоду тупицам и лодырям**. Задумана-то и разработана, однако, Академией Наук, и принята царским правительством (а отложена лишь из-за войны). Ну, да можно защищать и старое правописание, — как историческое и т. п. А уж утверждать, что Ъ и Ь имели специальное произношение аж до XIX в. — просто вздор. Они из речи полностью исчезли еще в Московской Руси.

В номере от 30 марта, Г. Ясиницкий толкует вкривь и вкось о «Тайнах мексиканских пирамид», ссылаясь на изыскания **египтологов**, тогда как по-русски существуют одни **египтологи**, и на раскопки в **Хиапас**, в Центральной Америке, где такого места нет, а имеется лишь Чиापас. Какая кому польза от подобных исследований?

З. А. Шаховская воспитывалась за границей и русским владеет слабо (о чем сама

сообщала в своих мемуарах). Оттого и пишет то **галлийцы**, то **уэльцы**, вместо **валлийцы**. Но что же за газета «Русская Мысль» (sic), если никто не умеет ее ошибки поправить?

«Наша Страна», с упорством достойным лучшего применения, называет румынского коммунистического вождя **Чауческу**, вместо **Чаушеску**; впрочем, и другие румынские имена в ней перевираются, скажем, **Ионита**, вместо **Ионица**. Не верно тоже и писать **Сан Бриак**, ибо с давних пор у нас говорят и пишут: **Сен Сир**, **Сен Симон**, **граф де Сен Жермен**.

Большая статья Д. Поспеловского о русском национализме («Единение», 16-23 февраля) ценна фактическим материалом; но позиции автора неясны и двусмысленны. Напрашиваются следующие соображения:

У любого народа России патриотизм, хотя бы и местный, законен и достоин уважения (а преданность своим языку, вере и обычаям не исключают притом имперского чувства). Коль скоро он сменяется воинствующим национализмом, то логически ведет к требованиям о создании отдельного государства, будь оно чувашское или якутское. Для русских же традиция и наследие предков есть сохранение построенной ими великой империи. Склонность, в пределах разума, к фольклору и блинам тут мешать не может; да и кто нам ее запретит (большевики пытались — и неудачно)? А искушение великороссам отъединиться от иных племен, с кем нас связывают столетия совместной жизни, — оно не столь от лукавого, сколь подсовывается нам нашими врагами, кои суть, на деле, враги и потенциальные захватчики и для всех других национальностей нашего исполинского отечества.

Проблемы сии еще острее возникают при чтении № 41 «Современника»; но коснемся сперва художественной его части. Конец романа Л. Фабрициуса одновременно и удовлетворяет и расколаживает. Он сделан, вполне удачно, по старинной формуле: порок наказан, добродетель вознаграждена. Но в последних главах выступает на авансцену, заслоняя других персонажей, ставших нам близкими, фигура вернувшегося из долгого советского плена немецкого офицера Фалькенхорста, его воспоминания об ушедшем и удивление перед новым, овеянным духом осенней меланхолии. Фалькенхорст, говорит автор, понял, почему перво-

начальный положительный герой романа Карл Шолтис, стал предателем; но мы, признаться — не вполне. «Возврат» заслуживает издания в форме книги; и вот тогда бы хорошо его развернуть и дополнить, сгладив мелкие противоречия, от чего он сильно бы выиграл.

По другому разочаровывает (тоже относительно, впрочем) завершение повести А. Гидони «Накипь»: завязанная поначалу как роман, она окончательно превратилась в репортаж, в газетный очерк о впечатлениях диссидента при выезде из СССР и первых контактах со свободным миром.

Что до «Формулы прозы» В. Казакова, честно сказать, она нам вчистую непонятна. Хотя, не хвастаясь, автор этих строк основательно знаком с жанром фантастического и жуткого рассказа, по-русски и на 4-5 иностранных языках.

Остальное в номере, стихи и художественная проза, незначительно. Наоборот, в отделе публицистики выделяются две первоклассные вещи: мастерский разнос Ю. Григорова по адресу Э. Райса, «Герострат из «Граней» (нас, однако, в нем озадачивает резкий выпад против бретонских автономистов: или «Современник» сочувствует только **антирусским** сепаратистам?) и очерк А. Удодова «Удивительная Швеция», дающий во многом неожиданную картину малопривлекательных нравов страны, которая есть «географически... не столько часть Европы, сколько продолжение Сибири» (жаль, что автор обошел молчанием, отчего она стала центром фабрикации порнографических фильмов?).

В малюсенькой заметке Р. Чертогонова «Эрудиция г-на Максимова» показано как забавно редактор «Континента», — человек талантливый, но необразованный и рассеянный, — перевирает Достоевского; верно и то, что было бы занятно его описки разобрат с точки зрения психоанализа.

На счет того, стоит ли «Современнику», как он делает, приводить истерические, исполненные нечеловеческой злобности ругательства самостийников разных мастей против России и русских, могут быть два мнения. Для информации и в порядке свободы, — мало ли что можно напечатать. Но нам спорить с этими фанатиками не к чему: они нас ненавидят, их мечта — Россия слабая и униженная. Россия на коленях (а еще лучше бы им — Россия мертвая); им что-либо пытаться объяснить — напрасный труд.

Все же и их можно разделить на три группы:

1. Если всплеснется когда в России ан-

тисемитизм, не сверху насаженный, а народный (по природе великороссам вовсе чуждый), то виноваты будут субъекты как И. Гурвич и В. Гиндин, гнусно поносящие все дорогое и святое русскому сердцу. Они претендуют выступать от имени евреев в целом; мы им не верим; но что же сами евреи не возражают?

2. Как бы нас ни раздражала руссофобская пропаганда со стороны нацменов, ожесточенностью, близорукостью, нечестностью, не забудем, что в ней есть зерно доброго чувства: любви к своему народу (хотя бы и ложно понятой). От чего не исключена и надежда: со временем кое с кем из них мы еще и найдем, быть может, общий язык.

3. Но когда на Россию нападают русские же, — как гг. Синявин и Болдырев, — то что это, если не акт национальной измены? Мы бы охотно поверили в их личную искренность; да трудно. Доводы их зыбки, противоречивы и звучат фальшью. Поелику же на Западе быть врагом России очень выгодно, то невольно и вспоминаешь слова, которые в одном романе Агаты Кристи окружающие применяют к некоему проворному молодому человеку: *He knows jolly well which way his bread is buttered*. По плутовству ли или недомыслию, они стараются затемнить вопрос о **России, Российской Империи и СССР**, где в реальности все ясно. Для нас родина — Российская Империя, а что в ней захватили власть большевики есть наша трагедия (не с одними нами случавшаяся). Французские монархисты против республики, но любят Францию; для националистов Формозы отчизна есть Китай, а худшие недруги — пекинские правители. Великороссия в этнических границах немислима; такой **никогда** и не бывало. Не то, что Московская, а и Киевская Русь была многонациональным государством. Превратиться обратно в Русь Россия неспособна, ибо, как сказано в Писании, не в силах человек войти обратно в утробу матери.

В «Свободном Слове Карпатской Руси» за январь-февраль, В. Нилов иступленно атакует поляков и католиков вообще, во имя интересов Галиции. Нам, русским, — великороссам в частности, и россиянам в целом, — вражда с Польшей не нужна и тягостна; мы-то, с нашей стороны, рады бы ее преодолеть. А Галиция для нас вопрос второстепенный. С немалой наглостью, Нилов доходит до того, что предлагает Польше отпасть от Рима и учредить у себя протестантскую Церковь вроде англиканской. Что бы мы сказали, предложи кто подобные

штуки нам? Если хочешь, чтобы уважали твою веру, уважай и чужую... Напомним Нилову, видать слабому в богословии, что наше вероучение много ближе к католическому, чем к протестантскому. А в нашу страшную эпоху, все христиане, да и все верующие в Бога, должны бы вместе бороться с общими врагами, атеистами и материалистами, отнюдь же не раздувать между собою былые, отжившие конфликты и ссоры.

Письмо Б. Солоневича, в № за март—апрель, содержит ряд разумных мыслей. Он думает, что эволюция советской власти невозможна; что любые оккупация или расчленение России были бы лишь временными; и что недопустимо, из страха перед ними, поддерживать большевиков. Нилов публикует здесь же ответ, сплошь из брани и грубых насмешек (таков и вообще стиль его дискуссий), и потому неубедительный совсем. Он ссылается, например, что в СССР сейчас нет массового террора; но ведь режим остался прежним, и террор может возобновиться со дня на день. Намек, что Б. Солоневич мол наверное сочувствовал немцам, предназначен для западных ушей. Он-то именно, с немцами не сотрудничал; но вот генерал Власов и его армия — да. И что же? Мы уважаем погибших как мучеников, а живых как героев. Зря Нилов заносит на них руку... Если живые и промолчат, то голос мертвых слышен громко: вот, даже и англичане собираются им поставить памятники... Нилов стремится поссорить нас с поляками; Н. Тегенов, в статье «Жертва провокации», в № за март—апрель — с евреями. Китайцев карпатский журнал тоже крепко недолюбливает. Коли так дальше, — у нас везде будут враги, и по нашей же вине. Нет плохих народов, хотя всюду есть злые и глупые люди и бывают чудовищные режимы и нелепые идеологии. Патриотизм русскому народу не чужд — призовем в свидетели призраки Карла XII, Наполеона и Гитлера, — а зачем ему прививать зоологический шовинизм, дурную болезнь Запада?

В статьях Л. Баркалова (с критикой украинских самостийников) и Ф. Ейского (с критикой американской внешней политики) встречаются правильные наблюдения, а иеромонах Макарий, действительно, говорит «Многое в немногих словах», — и притом глубокое и интересное, — на духовные темы.

По сравнению с писаниями Нилова, приятно прочесть большую статью В. Осипова в «Русской Жизни» (№№ от 16 по 23 марта) «Борьба с так называемым руссофильством», терпимую, культурную и умную; с ним можно не во всем соглашаться, но труд-

но не испытывать к нему симпатии и уважения.

Продолжая в «Новом Журнале» № 134, свои воспоминания, Р. Гуль щедро раздает сокрушительные оплеухи деятелям революции и их продолжателям в эмиграции: «Левые эс-серы вошли в историю **самыми большими дураками**». О социал-демократах он приводит отзыв редактора «Форвертс» Кагана: «Меньшевики это маленькие большевики» и П. Струве: «Меньшевики это те же большевики, но в полбутылках». Про Горького же Гуль вспоминает остроумную Радека, предлагавшего в его честь окрестить всю эпоху **Максимально-Горькой**.

Ю. Иваск, в «Разговорах с Адамовичем», правдиво раскрывает подлинное лицо покойного критика: хула на Господа Бога и на христианские догматы о рае и аде, и на любовь..., а что есть более святого на земле, чем она? И дышащие ненавистью отзывы о собратях по перу, куда более, чем он сам, одаренных: о Цветаевой, Ахматовой, Алданове и даже С. Маковском. Естественно, собеседники часто касались родственных им по духу писателей: О. Уайльд, А. Жид, М. Кузмин. Этот последний, оказывается, однажды сказал: «— А вы, Адамович, дурак» Мысль глубокая...

Отрывок из романа О. Маслей «Сон» хорош, но слишком мал, чтобы по нему составить впечатление о вещи в целом.

Исключительно интересны письма Розанова; но отчего они публикуются выборочно, да еще и с выпуском самых важных мест. (таких, как характеристика Белинского, Михайловского; биографические сведения; идеи о связи между половым и религиозным чувством)? Наоборот, письма Бунина к Зайцевым бессодержательны и не дают ничего нового.

Этюд Г. Кругового о «Мастере и Маргарите» подтверждает факт, что построения М. Булгакова непримиримы ни с евангельским текстом, ни с учением Церкви.

В «Русской Мысли» от 3 мая А. Лишке сурово предупреждает всех, кто вздумал бы критиковать уже нашумевший порнографический опус Э. Лимонова «Это я — Эдичка», напечатанный в «Ковчеге» № 3, что они сделают себя смешными, идя против духа времени. Не совсем демократично затыкать заранее рот оппонентам (но многие демократы признают ведь демократию лишь для себя и своих); пригрозил бы еще им и **гневом масс**, ежели пикнут. Впрочем, и те **пуритане**, кои помалкивают, не ушли, уже и сейчас от кары; для них, не удовлетворяясь наличным, — довольно однако же богатым в

русском языке, — набором бранных выражений, Лишке изобретает подлинно отвратительный неологизм: **стародежь**.

Бедный В. Моск, в «Ле Шуа» № 11, как раз и угодил, боимся, в эту новую категорию **врагов народа**, лишаемых права голоса, попытавшись заступиться за нравственность с традиционных консервативных позиций. Поход на мораль якобы XIX в., — а, собственно, на существующую с тех пор, как человек на двух ногах ходит — нас не дивит; его открыла в своей газете сама З. Шаховская, и верные сотрудники ретиво продолжают ее линию. Вероятно потому А. Бахрах, в № от 10 мая, трактуя все о том же романе, избегает его называть и тщательно отнекивается от малейшей враждебности к порнографии как таковой. Охотно верим ему, что он готов приветствовать даже самые рискованные эротические сочинения, будь они только в достаточно изящной форме; и похвалим его за благоразумную осторожность. Хотя, вроде бы, мы и живем в свободном (еще) мире, а верно, что новые табу, утверждаемые прогрессистами, безопаснее не задавать.

Если же рассмотреть тезисы г-на Лишке всерьез, — они несколько сомнительны. Кто, собственно, отменил все правила приличия, и от чьего имени нам прокламируют, что *nous avons change tout cela*?. Основные христианские религии, католичество и колыми паче православие, свои принципы не пересматривали, и их прежние предписания остаются для верующих обязательными; а попасть на скамью подсудимых вместе с клиром и иерархией двух великих Церквей не столь уж и страшно: «На людях и смерть красна». Правда, что *les nouveaux pretres* так метко разоблаченные в известном романе Мишеля де Сен Пьера, к ответственности привлечены не будут: им с г-ном Лишке вполне по пути.

Что до народа, его-то взгляды не изменились, а лишь таковые интеллигентских снобов, да и то нет: они всегда были аморальны, но теперь — обнаглели. Лишке, видимо, живет во Франции; так пусть поговорит с рядовыми французами: их отвращение к однополрой любви безмерно. И, кабы он не скользил по поверхности, а попробовал на миг вникнуть в суть, то и пришли бы ему на ум недавнее самоубийство во Франции видного писателя-гомосексуалиста, и страшная, еще не очень давняя смерть в Италии знаменитого кинопостановщика с теми же вкусами. В. Соловьев заметил когда-то:

Сладко извергом быть
И приятно забыть
Бога.

Но тогда нас ждет до-
вольно скверная до-
рога.

Ну, да представим Запад его участи. А вот введение массовым порядком всяческой грязи в русскую литературу не радует никак. Глупая мода на площадное сквернословие родилась, возможно, от контактов в концлагерях с уголовниками; но не мешало бы вспомнить нашим стопроцентно современным сочинителям, что говорил Л. Толстой об ерническом языке, который народ презирает в своей среде и не понимает, когда слышит от высших. У Э. Лимонова пользование заборной словесностью доведено, истинно, до апогея. Так, что получается уже не **искусство**, а — согласно нововведенному А. Д. Синявским термину — **исхуйство**.

Но кинем взгляд на некоторые иные аспекты его творчества. Он, явно, плохо разбирается в политическом спектре Зарубежья. «Новое Русское Слово» ему представляется ультра-правой газетой. Для эмигрантов и для иностранного общественного мнения она, наоборот, умеренно левая.

Ему мнится, будто правая эмиграция слепо поддерживает во всем Америку. А ничуть: взаимные симпатии у американцев налицо с левым сектором; правые же к критике Лимонова на США прислушались бы не без симпатии... кабы не другие его качества.

Беда в том, что левизна Лимонова, — в самом деле необычная для доновейших волн, — ведет его в стан американских троцкистов; с коими у нас и впрямь общности чувств не найдется, поскольку их **левофланговый нос** всегда равняется по коммунизму.

Вникнуть в таинства страстей содомских обычному человеку нелегко. Все же можно рассуждать, что их объект часто бывает привлекателен физически и даже духовно (любовь-то ведь тут не всегда разделенная). Однако Лимонов вербует любовников из негритянских босяков, ночующих под мостами; один занимается мокрыми делами, другой — мелкий воришка... Кто из нас захотел бы иметь эдаких друзей или знакомых? Даже будь это не негры, а негритянки.

Часть романа, способная вызвать сочувствие, — та, где речь о муках героя, оставленного женой. От несчастной любви чего не сделаешь; тут и самоубийство, и преступление, и даже разврат становятся не извинительными, конечно, но человечески понятными. Жаль только, что любовь-то здесь изображена чисто животная, вовсе низменная. И потом: развилось ли влечение Эдички к мужеложеству вследствие семейной трагедии (чего вроде бы и не бывает)

или оно было ему и прежде латентно присуще? В каком случае — не оным ли обусловлено и охлаждение к нему Елены? Досадно, что данный пункт не разработан в романе подробнее.

Вспомнилось, читая «Ковчег»... Когда-то в Берлине, в годы второй мировой, с какими презрением и омерзением наши девушки из остовок смотрели на невиданные в России бесстыдные поцелуи и объятия в трамваях и поездах. Ребята, — те покатывались со смеху. Наш брат, подсоветский интеллигент, стыдливо отворачивался: неудобно осуждать просвещенную Европу.

И вот тогда я был горд за свой народ. Но не скажу, чтобы мне становилось стыд-

но за него теперь, перед лицом творений г-д Лимонова, Марамзина е *tutti quati*. Ибо, уверен в душе, они суть только **накись** (позволяю себе воспользоваться удачным определением А. Гидони по адресу известной части диссидентов). Народ же, он если двинулся, — то лишь в сторону веры и возврата к былым устоям.

Спешу кончить, хотя про многое еще хотелось бы сказать. Некто из критиков уже гневно называет мои обзоры **пространными**. Словами поэта:

А не даром сморщенный,
Старый альгвазил
Мне рукою скорченной
Строго погрозил.

ИРИНА САБУРОВА

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КНИГУ...

Не будучи ни литературоведом, ни критиком, я не часто перечитываю книги. Но, если это случается, то нередко находишь что-то новое, незамеченное, пропущенное раньше, и вот только теперь особенно бросившееся в глаза. Понятно, конечно: прошло время, накопился какой-то опыт, возникли сравнения с другими книгами, авторами, мыслями.

И тогда становится ясным ответ на вопрос: почему? Не почему многие книги вообще забываются очень быстро, не оставляют впечатления, или даже царапают возмущением, от которого хочется поскорее избавиться, — на этот вопрос легко ответить: либо их уровень, мягко выражаясь, ниже среднего или около того, либо автор, — что особенно часто случается за последнее время — во что бы то ни стало хочет расцвечить его отнюдь не блестками ума или таланта, а толстыми мазками дегтя, — если тот порнографический мат, которым он обильно мажет свои страницы — можно еще назвать честным дегтем... Нет, такому вопросу излишне возникнуть.

Но вот почему книга пользуется успехом — распродается, в первую очередь, вызывает оживленный обмен мнений, запоминается, обращает на себя внимание — это уже другое дело. Причин бывает много, разных причин, но явление само по себе в зарубежной литературе, с ее ничтожными тиражами — чрезвычайно редкое. А что же можно сказать, если я вот сейчас перечла

книгу, вышедшую третьим изданием? И притом — не на протяжении пятидесяти, или ста, а всего за какой-либо десяток лет с лишним? Притом — это отнюдь не сенсация, политическая, литературная, или — и то, и другое. Нобелевской премии за нее не дадут, и самые расположенные, самые близкие автору люди вряд ли назовут его гением, великим, непревзойденным талантом — талант не должен быть непременно великим, чтобы его любить, уважать и ценить. И, между прочим, нередко за то, что, казалось бы, прямого отношения к таланту не имеет: человеческое отношение к людям — или героям книги — такт, — редчайшее явление в наше время! — чувство меры и возможная объективность — не менее редчайшие качества...

И если вы скажете, что, мол, эти старомодные понятия теперь просто смешны, и никто не обращает на них внимания — то простите: вы ошибаетесь — книга вышла третьим изданием, а это упрямый факт.

Ответ на вопрос: почему? — требует, конечно, разъяснения. В книге Андрея Седых «Далекие, близкие» — 15 зарисовок встреч — и целых отрезков жизни и работы автора со звездами первой величины не только на зарубежном литературном горизонте: Куприн, Волошин, Мандельштам, Алданов, Рахманинов, Бальмонт, Бурцев, Дон Аминадо, Тэффи, Саша Черный, Ремизов, Кусевицкий, Шаляпин, Милюков, Глазунов, Бунин, Шагал, «Монпарнасские тени» (Су-

тин, Поплавский, Кнут). Наибольшее внимание уделено Милюкову и Бунину — по понятным причинам: Милюков — исторический общественный деятель и публицист, редактировавший одну из крупнейших газет зарубежья в Париже, в редакции которой работал автор — и Бунин, первый русский нобелевский лауреат, секретарем которого во время получения Нобелевской премии состоял Андрей Седых.

Как уже сказано, много значит прожитое время после первого чтения книги, и еще больше — накопившиеся за это время сравнения! «Далекое, близкое» — не роман, то есть, чисто художественная литература, а мемуары — то есть, воспоминания об очень известных людях, встречах, запомнившихся словах и поступках, работе с ними, судьбе их, — и, конечно, о личных впечатлениях автора — о том, как он их видел — и счел возможным рассказать.

Вот именно этот оборот речи «считать возможным» — увы, в каком теперь загоне! Сколько воспоминаний известных, талантливых, умных, выдающихся людей нередко бывает сведением личных счетов, загробной — или прижизненной — местию, или просто человек, вот именно, «счел возможным» дать волю своему характеру, озлобленности, брюзжанию, ненависти, зависти, — и все, разумеется, «чтобы сказать правду», во что бы то ни стало развенчать, унижить, вытащить на свет грязное белье человека, который больше уже не может ответить — и вряд ли бы стал отвечать, если бы мог!

Но позвольте — скажете вы. Что же, они все такими ангелами были? Конечно, нет. Объективность, — не идеализация. Объективность — это освещение со всех сторон, по возможности, с хороших и плохих, но со всех сторон — с тактом, с тем драгоценным качеством человеческого сердца и ума, которое дает меру, позволяет сказать одно, и не нажимать на другое, дает возможность понять — и разобраться в людях. И дать их

понять, представить себе другим.

Можно привести маленький, но за последнее время в зарубежной печати очень уж навязчивый пример? Бунин любил употреблять крепкие выражения. Это известно. Седых раз или два упоминает об этом. С многоточиями, и всем понятно без подчеркивания. Бунин, по своему характеру, был очень резок и не стеснялся. На эту его черту характера автор, если хочет быть объективным, должен указать — что он и делает. Но представьте — очень легко представить себе — какого-нибудь другого современного автора, который, вспомнив о Бунине, (вернее, написав о нем, потому что «вспомнить» он, по возрасту и другим обстоятельствам, не может) крыл бы даже не цветистым, а скучным и нудным матом все и вся! Так сказать, от его имени?

И у заскучавшего читателя невольно возник бы вопрос: а чем он был знаменит, этот Бунин, кроме того, что я от любого уркагана могу услышать?

Андрей Седых — опытный и талантливый литератор. Многие его книги производят впечатление глотка свежей воды и вызывают благодарную улыбку — может быть, литературоведы и строгие критики не слишком ценят эти качества — но зато читатели — а в сущности, для кого же в первую очередь пишутся книги? И вот, когда я перечитывала эту, переизданную в третий раз, о таких известных, знаменитых, талантливых и совершенно разных людях, особенно бросилось в глаза не только то, что сказал о них автор, а больше всего — как сказал: его отношение к людям. Этот сердечный такт, вежливость сердца, бережность к памяти, чувство меры — то, как и что он счел возможным сказать. Такие, действительно человеческие — такие редкие, такие, казалось бы, старомодные, устарелые «отжившие» достоинства! А вот подите ж...

Я не могу сейчас по памяти процитировать отзывы критиков об этой книге. Но я держу в руках ее третье издание, а это — ответ читателей.

Письма в редакцию:

ОТ РЕДАКЦИИ:

В первом номере нашего журнала, в обращении к читателям, мы писали, что мы приветствовали бы, если бы на страницах журнала возникли живые дискуссии, если бы он смог в рамках своих очень скромных возможностей стать трибуной обсуждения разных важных принципиальных и актуальных вопросов. Не сразу это желание основателей журнала могло быть претворено в жизнь. Новый журнал естественно должен был сначала зарекомендовать себя, получить хотя бы некоторое распространение.

Но теперь стало поступать все больше писем в редакцию. В предлагаемом номере печатается особенно много писем, что, конечно, в таком размере не будет повторяться из номера в номер. Но в виду того, что отдел «Письма в редакцию» к нашей радости разрастается, мы считаем нужным сказать относительно него несколько слов. Известно, что если редакция не отвечает за все мысли, высказанные в статье, подписанной фамилией автора, то тем более она не отвечает за мысли, высказанные в письмах. Естественно, что в редакцию чаще посылают письма авторы и читатели журнала, которые с общей линией журнала согласны, и с мыслями которых редакция в общем тоже согласна, хотя, возможно, не во всех частях. Но присылают письма и лица с совершенно противоположными убеждениями. Редакция уже приходилось публиковать такие письма (например, П. Болдырева). Она оставляет за собой право и впредь публиковать письма не только более или менее единомышленников, но и идеологических противников, снабжая или не снабжая их комментариями редакции. В конце концов, внимательный читатель журнала сам поймет, чье письмо более или менее соответствует линии журнала, а чье нет.

Мы так же охотно согласны в известных рамках помещать дискуссию единомышленников, несогласных между собой не в принципиальных, но в частных вопросах. В особенности мы охотно поместим ответы всех тех, кого авторы писем в нашу редакцию подвергают критике.

ИСКУССТВЕННОЕ ГОСУДАРСТВО

В номере 11-ом «Голоса Зарубежья» прочел статью В. Кобылина «К сорокалетию мюнхенской конференции», результатом которой явилось мирное занятие немецкими войсками северной части Чехии, так называемой Судетской области, акции, проведенной с согласия Англии и Франции. В Судетах население было смешанное: от времен «давным-давно забытых», здесь жили чехи и немцы. Причем благодаря смешанному браку, семьи часто совсем не задумывались о том — какой они национальности, а по слабости человеческой, во время трехсотлетней немецкой администрации «немцами» старались быть все и, наоборот, когда в 1918 году наступила эра чешская, то многие обратились в «чехов». Настоящие имперские немцы были потомками переселенцев по приглашению чешских королей.

В. Кобылин пишет: «Чехословакия, которая была наспех «скроена» Версальским мирным договором, представляла собою **искусственное государственное образование**, (выделено мною) в котором жили чехи, словаки, венгры, поляки, карпатороссы и немцы». Охарактеризовать Чехословакию как «искусственное государственное образование» можно только совершенно произвольно, не считаясь с историческими фактами. Чехи и моравы занимали сегодняшнее географическое пространство с не-

запамятных времен (около первого столетия), вытеснив с него каких-то полумифических боев. И уже в 12 столетии Отокар I провозгласил себя королем — до того времени были только князья.

После занятия Судет, последовала в марте 1939 года оккупация Гитлером всей Чехии с отторжением от нее Словакии, которая удостоилась получить самостоятельность и вождя в лице монсионьора Тиссо. Славянская Чехословакия оказалась фактически полуколонией Третьего Райха. Границы Чехословакии были определены в Версале с дополнением по Трианонскому договору, обратившему Венгрию в общипанную курицу. Победители забрали у Германии буквально все — не только в Европе, но присвоили себе еще все ее колонии и они же решили расчленить Австро-Венгерскую монархию на ее составные части. И в результате появились новые государственные образования: небольшая Австрия и такая же Венгрия и Чехословакия. Венгерскую Трансильванию и часть Баната приделили Румынии, другую часть Баната Югославии, а Словакия и Подкарпатская Русь стали частями Чехословакии, известной в истории под именем Богемии, как земли чехов и моравов, но в новых границах.

Чехов к концу 1-ой мировой войны было около семи миллионов и было естест-

венно, что словаки, число которых было около четырех миллионов, присоединились к ним. Как чехи были чужды немцам, управляющим ими из Вены, так и словакам были чужды венгры, правящие ими из Будапешта. Жители Подкарпатской Руси, официально именуемые австрийским правительством «рутенами», т. е., русскими, имели три возможности: остаться в пределах Венгрии, присоединиться к Польше, получившей Галицию, или присоединиться к Чехословакии — на известных условиях. Они избрали последнее. Когда Словакия отторгли от Венгрии, то на ее территории оказалось немало горожан-немцев и около одного миллиона венгров. Немцев на севере Чехии было около трех миллионов, печальной судьбы которых я здесь подробно не касаюсь. В 1945 году правительство Бенеша, с благословения Сталина, насильно выселило их в Германию, лишив государство ценных ремесленников, техников и предприимчивых промышленников.

История Чехии и Моравии (Богемии) богата многими трагическими событиями, как это имеет место в истории государств, корни которых уходят в глубь веков. Кому не известно имя Яна Гуса («Яна Гуса из Гусинца обрекаем на сожженье») религиозного реформатора, благодаря покровительству короля Вацлава IV, избранного в 1409 г. ректором пражского Карлова университета и закончившего свою жизнь в 1415 году еретиком на костре в Констанце. Кто не слышал о Яне Жижке, который командовал гуситскими войсками, в первых рядах которых находились фанатики табо-

риты (ими был построен новый город Табор — по русски Фавор), против католиков и немцев. Кроме чешских дворян, из числа бескомпромиссных противников католичества, в войсках были горожане и много крестьян. Война была кровопролитная, принесшая гуситам не одну победу над врагами, длилась семнадцать лет и закончилась их полным поражением в 1436 году.

Хотелось бы, хотя бы в нескольких словах, отметить, что уже в девятом веке существовало мощное Моравское королевство, в состав которого, кроме самой Моравии, входили: Богемия (Чехия), Силезия, южная Польша и северная Венгрия. Это здесь в Моравии, проповедывали христианство братья Кирилл и Мефодий.

Ведь и тридцатилетняя война, с участием почти всех европейских государств того времени, началась в Богемском королевстве бунтарским актом чешского дворянства в Праге, свергнувших короля Фердинанда II как слишком ревностного католика, а на его место избравших Фридриха-Зимнего короля. Чтобы наказать своевольных протестантских чехов немецкие имперские войска вторглись в Богемию и на Белой Горе, недалеко от Праги, на голову разбили бунтарей. Это случилось в 1620 году, а с этого времени Чешское королевство превратилось в одну из провинций Вены.

Как можно назвать **искусственным** восстановление государства, начало которого уходит в седые века истории славянских народов?

А. Б.

«СЛОВО — НЕ ВОРОБЕЙ»

«Слово не воробей — выпустишь — не поймашь!» говорит пословица. Это всецело применимо к тому, что пишут в периодической печати. За последнее время в русских газетах и журналах, выходящих в Зарубежье появляются в статьях такие утверждения, что диву даешься: как авторы этих статей могут так писать и как редакция этих же печатных органов пропускают эти статьи. Тут, конечно, уместно думать, что ответственный редактор или коллегия вполне солидаризуются с тем, что появляется на страницах их газет или журналов. В противном случае помещается заметка, приблизительно следующего характера: содержание статей не всегда выражает взгляды газеты или журнала, или, что-либо в этом роде.

Вот выходит с недавнего сравнительно

времени журнал «Русское Возрождение». Надо сказать, что появление этого журнала сопровождалось целым рядом статей, в которых с пафосом утверждалось, что «Русское Возрождение» должно быть настольным журналом в каждой национально мыслящей семье, что «Русское Возрождение» — независимый русский православный орган, призванный «быть собирателем и глашатаем духовных чаяний нашего народа в годы, предваряющие тысячелетие его крещения» и т. д.

Все это очень хорошо, торжественно и благонаравно. Но вот в № 4 появилась статья В. Машковой «Болезнь и болезни», которая наводит на очень тревожные мысли и по поводу психического состояния автора этой статьи и редакции «Русского Возрождения», которая поместила эту статью,

полагая, очевидно, что это «чаяние нашего народа». Об этой статье уже писала В. А. Пирожкова, справедливо встревоженная высказываниями В. Машковой. Я хочу подойти к этой статье немного по-другому — почему такие статьи вообще пишутся и почему помещаются в русских национальных печатных органах. Я обойду «декламационный» стиль статьи, как например — «хотите ли понять Россию? Ищите ее в смерти». Это как говорят, на любителя, не очень, конечно, требовательного. Но выводы этой статьи просто поражают какой-то явной болезненной, скажем мягко, помраченностью. Оказывается, что и революция в России, и несметные мученики, и все несчастья произошли и происходят, для того, чтобы евреи были крещены и «воцерковлены». У В. А. Пирожковой хватило и терпения, и такта, чтобы мягко недоумевать и блестяще опровергнуть «чаяния» незадачливого автора «Болезни и болезней».

Но повторяю, как понять ответственных руководителей «Русского Возрождения», поместивших этот «перл»? — Это помещено в № 4 журнала, но и в первом номере были крайне неудачные утверждения ответственных лиц.

В № 5 «Русского Возрождения» в статье Л. Бородина «По поводу выставки И. Глазунова» происходит уже «канонизация» Глазунова. Тут уместно сказать нечто, что может вызвать нарекания очень многих, но сказать это нужно.

Все, что пишется, высказывается и говорится в пределах Советского Союза носит чрезвычайно своеобразный характер. Если мы будем всегда помнить, что Советский Союз в своей социально-политической структуре не только отличается от привычных для нормального существования норм поведения, но является полной противоположностью его, где беззаконие, а не закон является нормой и где карательная политика власти действует без замедления и беспощадно, то тогда совершенно необходимо применить критерий сугубой осторожности к происходящему в стране «победившего социализма». Преждевременный энтузиазм и непродуманные выводы только на руку властителям поработенной нашей Родины. Мне пришлось говорить с людьми, которые были на выставке Глазунова. Все в один голос говорили о нем, как о чрезвычайно посредственном художнике, который прибегает к дешевым эффектам и к какой-то ходульной нарочитости в своих картинах.

А вот, что пишет Л. Бородин по этому поводу: «Мы хотим видеть в каждом русском прежде всего брата, мы не можем позволить еще раз один пересчет обид за счет русской крови — ею уже довольно полита русская земля.» И дальше «...истина народного братства, а эта истина есть, может быть, она окажется, если не первым лучом прозрения, то, по крайней мере фактором, упреждающим путь злобы и насилия». Если немного исправить синтаксис вышеизложенного, то получается что-то вроде «непротивления злу» Л. Толстого. Довольно, дескать, пролития крови, да здравствует «фактор, упреждающий путь злобы и насилия». Очень удобная формула для «властей предержавших». Сидите, так сказать, и не «пересчитывайте обид».

А вот, что пишет Бородин по поводу картины Глазунова «Авель и Каин»: «Авель — олицетворение прямоты, благородства и доверия и эти качества выражены славянизмом черт лица несомненно русского, но именно такого русского, каким оно бывает у русских характером благородных и прямых.» О Каине Бородин пишет так: «... лицо его есть дневник пороков, и мы должны и обязаны не узнавать в этой маске — русского человека, ибо он перестает быть таковым, — а кем он становится при этом, для нас уже не существенно.»

В этом абзаце обращают внимание слова «мы должны и обязаны не узнавать.» — Почему это мы и «должны» и «обязаны»? — Почему навязывается какая-то тенденциозная мысль? Не говоря уже о том, что говорить о «русском человеке» при осмотре картины библейского содержания смешно и совсем не логично, поражаешься какой-то навязчивости «русскости», как «Herrenrasse». Вспоминается уже далекое прошлое, когда в нацистской Германии в журналах бывали статьи, в которых заявлялось, что Иисус Христос был арийского происхождения, а потому семиты его преследовали.

Самое же интересное в статье Бородина, это его какие-то намеки, что признание Глазунова советской властью указывает на какое-то «перерождение» верхов Советского Союза.

Опять появляется вопрос — статья Л. Бородина, это тоже «духовное чаяние нашего народа»?

Теперь об январском за 1979 год номере «Посева». В этом номере помещена статья А. Артемова «Коммунизмы». По поводу этой статьи уже были статьи А. Федосеева «Демократический коммунизм А. Н.

Артемова» и Н. Штифанова «К чему может привести нарушение грамматических правил?».

В своей статье А. Н. Артемов пишет: «...встает вопрос об отношении некоммунистов, или антикоммунистов, к новому явлению «демократического коммунизма» на политической арене». Затем в конце той же статьи: «...тактически и логически закономернее признать место этого явления в плюралистическом диапазоне демократии, отчленяя его от тоталитаристического фронта и поощряя развитие правовых потенциалов в нем, а стало быть, в конечном счете, оказывая известный «кредит доверия».

Прежде всего хочется передохнуть от «отчленений» и «правовых потенциалов», а затем перейти к разбору написанного.

«Посев» — партийный орган. Орган НТС. Как в каждой партии, в НТС есть программа, в которой изложены основные положения и, что надо делать, если НТС примет участие в политической жизни освобожденной нашей Родины.

Тут придется сказать несколько слов по поводу политических партий вообще. Слово «партия» филологически производится от латинского «*Partis*» что значит часть. И это уже одно обособляет людей, входящих в какую-либо партию от других, невходящих в нее.

Из истории социальных и общественных движений мы знаем, что предтечами современных политических партий были политические группировки в античной Греции, в особенности в Афинах, и в Риме, причем эти группировки носили по преимуществу или сословный или семейный характер, понимая под словом семья, большие кланы. Объединяли членов этих группировок общие интересы, чрезвычайно несложные, сводя-

щиеся к закреплению своего привилегированного положения.

Уже в Англии и во Франции после революции партии играли большую роль. Часто в ущерб национальным интересам страны. Уже так называемые III-ья и IV-ая Республика Франции были построены на засилье политических партий. «Народный фронт» Л. Блюма настолько ослабил Францию в политическом, экономическом и военном отношении, что вторая мировая война была проиграна Францией и бездарно, и стремительно. Только де Голль спас Францию от партийных склоков и хотя Франция и сейчас является демократией с «плюралистическим диапазоном», но все же в ней консолидированы национальные интересы страны.

Куда бы мы ни посмотрели, мы всюду видим отрицательные стороны партийности. И тоталитарные партии Сов. Союза и нацистской Германии и партии в странах с «плюралистическим диапазоном», проводят в жизнь часто не государственно-необходимые меры, а свои партийные предназначения.

И если в освобожденной нашей Родине будет здоровая государственность, имеющая в виду прежде всего интересы нации, то никаких партий, ни правых, ни левых стране, пережившей страшное партийное рабство, не будет нужно и граждане свободной от всех программ по партийным шпаргалкам, страны не окажут «кредита доверия» «коммунизмам» а la Дубчек, или а la Тито, а будут идти по проверенному народным инстинктом пути.

В заключение хочется сказать еще раз — высказывания в печати вещь чрезвычайно серьезная и... «слово не воробей — выпустишь — не поймаешь».

В. Кобылин.

ЗАГАДКА

В статье, озаглавленной «Антикоммунизм и антисоветизм» («Голос Зарубежья», № 12) В. А. Пирожкова написала: «На страницах «Русского Возрождения» о. Дмитрий Дудко уже сделал декларацию, что он не враг своего, т. е. советского правительства. Мы не поставим это в упрек о. Дудко, особенно в том контексте, в котором это было заявлено, потому что он живет под советской диктатурой. Кто знает, может быть ему необходимо делать такие заявления, чтобы иметь хоть минимальную возможность довести до тех слово Божие, кто хочет его слушать, но редакция («Русского

Возрождения») от этого даже осторожно не отмежеввалась, а ведь о. Дудко — постоянный сотрудник».

К этому мнению В. А. Пирожкову побудило то, что было сказано священником Дудко в беседе с московским корреспондентом «Нью Йорк Таймс» К. Вреном и американским гражданином, проф. А. Р. Небольским. «Справедливость, нетерпимость ко лжи и преступлениям, это — по мнению Д. Дудко — дело религии, а не политики. Кесарь пусть занимается делом кесаря и, когда кесарь лезет в религию, ему нужно сказать определенно и решительно «нет»,

тем более когда видишь, как безбожие изуродовало нравственную жизнь людей, губит их. Это не значит, что я враг своей родины и своего правительства. Я, как священник, все время молюсь о «богохранимой стране российской, властях и воинстве ее» и моя молитва искренна и все мое дело, как священника, это любовь к своему народу, боль за него и добровольное принятие того гонения, которому я подвергаюсь — принятие на себя тех ударов, которые, может быть, должны сыпаться на других».

*

Беседа священника, не отрицающего своей принадлежности к церковной юрисдикции, возглавленной московской патриархией, с двумя иностранцами — А. Р. Небольсиным и К. Вреном — была бы событием необыкновенным, но Д. Дудко этим не ограничился. Сказанное им во время этой встречи он сообщил зарубежному «Русскому Возрождению», которое уделило в своем № 2 его рассказу одиннадцать страниц.

Впрочем, в первых четырех номерах упомянутого эмигрантского журнала появились пять статей того же священника Дудко, из которых особого внимания заслуживает озаглавленная «О чем проповедывать», часть которой посвящена жестокому преступлению правящих до сих пор поработанной ими Россией коммунистов — убийству императора Николая Александровича и его семьи. Ставшего жертвой этого кровопролития монарха автор статьи назвал «величайшим русским святым, великомучеником Николаем», повторив то, что давно говорят зарубежные сторонники его канонизации. Свое мнение Д. Дудко подкрепил ссылкой на книгу Жильяра, которого — что совершенно верно — «нельзя обвинить в предвзятости».

Возразить на написанное автором статьи о Екатеринбургских мучениках невозможно, но возникает вопрос, как ее написал человек, живущий в поработанной коммунистами России и как она могла быть прислана оттуда за границу и доставлена редакции журнала, ее опубликовавшего без каких-либо последствий для автора со стороны советской власти и московской патриархии. Невольно возникает предположение, что она была приурочена к состоявшемуся в 1978 г. Собору Епископов русской зарубежной Церкви, не впервые обсудившему и еще раз отложившему предложенную некоторыми участниками Собора канонизацию императора, императрицы, их сына и дочерей. При наличии противоречивых мнений некоторых зарубежных иерархов, полученная «Русским Возрождением» из Москвы статья вряд ли способствовала устранению разногласия.

Она только могла его обострить.

*

Одним «Русским Возрождением» сотрудничество Д. Дудко с зарубежной русской печатью не ограничилось. Его статья о прошлогодней московской выставке художника Ильи Глазунова была прислана из Мюнхена парижской «Русской Мысли» и ею напечатана. По сравнению с другими, полученными русской зарубежной печатью из СССР статьями об этом художнике она была наиболее восторженной, но умолчала похвальные отзывы московских «Известий», других советских газет и орудия коммунистической пропаганды в русской зарубежной среде — московского «Голоса Родины».

Впрочем, в восхвалении Глазунова и его таланта Д. Дудко одиноким не был. Можно сослаться на статьи, полученные эмигрантской печатью из поработанной России и его опубликованные — на пространную статью Б. Михайлова в «Вестнике Русского Христианского Движения»; на статью его однофамильца в «Русской Мысли»; на статью Л. Бородина в «Русском Возрождении». Ни одна зарубежная газета, за исключением «Нашей Страны», не сообщила своим читателям, что столь прославленный московскими «корреспондентами» художник назван осведомителем КГБ в книге американского писателя Дж. Баррона об этом «учреждении».

*

Полной неожиданностью для зарубежных поклонников о. Дудко было его письмо первоиерарху Русской Зарубежной Церкви, митрополиту Филарету, опубликованное в марте с. г. франкфуртским «Посевом» и содержавшее предложение, «чтобы Вы, дорогой Владыко, как-то неофициально объединились с нами» и «присылали сюда епископов и священников, пожалуй прежде всего епископов, которые иногда, может быть, открыто, если удастся как-то пройти в среду официальную, или тайно рукополагали достойных».

Другими словами, автор письма посоветовал первоиерарху зарубежной Церкви присылать в Москву епископов и священников и там как-то «пройти в среду официальную», то есть присоединиться к зависящей во всем от коммунистической власти московской патриархии.

К сожалению, зарубежная Церковь на опубликование этого письма «Посевом» не отозвалась и не назвала поступок о. Дудко теми словами, которые он, в данном случае, несомненно заслужил.

С. Л. Войцеховский.

Димитрий ПАНИН

**ВОЗРАЖЕНИЯ СОЛЖЕНИЦЫНУ ПО ПОВОДУ ИНТЕРВЬЮ,
ДАННОГО ИМ 3.2.1979 РАДИОСТАНЦИИ БиБиСи**

Солженицын дал правильную оценку февральского переворота 1917 г., роли советов и временного правительства в России. Узники сталинских лагерей, осужденные за противостояние режиму, пришли к еще более решительным выводам. Солженицын-зек разделял мнение своих товарищей по нарам и был согласен с необходимостью устранения кровавого коммунистического режима в нашей стране. И позже, вплоть до своего отъезда на Запад в 1972 году, я никогда не слышал из уст Солженицына речей, осуждающих борьбу народа с режимом и вселяющих безумную надежду на его самоисправление. Эти мысли обнародованы были Солженицыным в его публицистических статьях, когда он был уже на Западе. Поэтому я счел своим долгом в книге «Солженицын и действительность» опровергнуть доводы Солженицына. К сожалению, я не услышал возражений ни от Солженицына, ни от его почитателей. В русской зарубежной прессе книгу предпочли обойти молчанием, а на французском она, как только вышла, по мановению волшебной палочки немедленно исчезла из продажи, и большинство книгопродавцов о ее существовании даже не знали.

Мне жаль, что Солженицын не прислушался к моей критике. В своем интервью он повторяет и углубляет свои ошибки, принося тем самым огромный вред делу освобождения от режима. Поскольку он вещает на весь мир, дезинформация советского и западного слушателей лишь увеличивается. Каковы же основные положения его интервью?

1. «Судьба страны будет определена теми, кто в ней живет, а не теми, кто вернется из эмиграции». «Я верю в наш народ на всех уровнях».

Эмиграцию можно разделить на подлинных эмигрантов и переселенцев. Первые продолжают за границей вести борьбу с режимом и выполнять задачи, которые не осуществимы в стране или возможны ценой многочисленных жертв. Солженицын не дооценивает роли подлинных эмигрантов в освобождении страны от режима, которых следует разграничить с диссидентами, подыгрывающими левым кругам. Эти диссиденты, как правило, принадлежали в СССР к привилегированной касте и впитали с детства безбожные марксистские партийные соки. Освободиться от тяжелой наследственности не-

просто, и поэтому они пропагандируют часто идеи, устраивающие режим, и сами того не желая, объективно становятся его пособниками. К сожалению, именно они имеют доступ к радио и печати.

Солженицын справедливо подвергает критике писания участников правозащитного движения, которые часто, как например Янов, искажают историю.

2. «Но я никогда не призывал к физической всеобщей революции! Это такое уничтожение народной жизни, которое, бывает, не стоит одержанной победы. Да нам не просто уже освободиться надо, нам надо стать на путь лечения, а революции не вылечивают!»

В СССР идет непрерывная война режима и угнетенного населения; об этом свидетельствуют миллионы жертв. Когда война в разгаре, военные действия не приостанавливают для лечения раненых. Народ дружно проклял бы полководца, который отдал бы страну захватчику и запретил бы вести с ним борьбу, пока раненые не поправятся.

У Солженицына трафаретное представление о революции. В книге «Мир-маятник» я доказываю на основе универсальных законов развития, что подлинная революция представляет собой резкий скачок в ходе эволюционного процесса. При этом скачок должен быть той же природы, что и сам эволюционный процесс¹). Исследование событий 1789 года во Франции и февраля-октября 1917 года в России показывает, что за этими событиями неправильно закреплено название революций. Название этих событий должно отражать их разную сущность. Например, свержение монархии в России в феврале 1917 года в разгар первой мировой войны можно назвать переворотом, ставшим возможным вследствие заговора, вредительства и саботажа тех, кто предал страну. Подлинными революционерами во Франции были шуаны (в основном крестьяне Вандеи, Бретани, Нормандии), а в России добровольцы Белого движения и казаки, восставшие против искажения нормального развития своей страны: порабощения, надругательства над верой, попрания естественных прав человека. Соответственно, устранение коммунистического режима в СССР — подлинная законная народная революция, а осуждение Солженицыным революции дано с позиций обывателя.

Из истории возможно извлечь следующий урок: стрела зла поражает впоследствии соплеменников стрелка. Предательство союзниками белой армии во время гражданской войны (1918 — 1920) в нашей стране породило СССР, Гитлера, вторую мировую войну. Англия и США после выдачи Сталину десяти европейских стран и серии предательств в отношении своих союзников потеряли свой престиж, а Англия, кроме того, перестала быть мировой державой. Русские крестьяне были превращены в бесправных колхозников в результате своего массового дезертирства с фронта в 1917 году, погрома помещичьих поместий, отсиживания в лесах под кличкой «зеленых» во время гражданской войны вместо активного отпора врагам России. Многочисленные еврейские общины в России заплатили уничтожением синагог, раввинов, религиозных школ за временный успех Троцкого, Каменева, Зиновьева, предавших в первую очередь свой народ. Не слишком ли дорога цена? Активная помощь латышских стрелков Ленину не избавила Латвию от участи колонии СССР со времен Сталина. Советские танки отблагодарили в 1968 году Чехословакию за выдачу Колчака²⁾ чешскими войсками в Сибири красным. Я привел лишь несколько примеров из многострадальной истории народов. За львиную долю бедствий в XX веке отвечаем прежде всего мы — русские. Нам надлежало охранить от потрясений огромную империю, созданную нашими предками, и помнить об ответственности за судьбу присоединенных к нам народов. Поведение в 1917–21 годы ведущей русской нации империи было бездарным и позорным, за исключением горстки солдат и офицеров белой армии. Отравленные стрелы ведущих слоев нашей страны и левой интеллигенции пронзили сердце России. Только отважная борьба, связанная с подвигами и жертвами, сможет устранить посеянное зло, смыть позор, позволить начать новую жизнь.

Напрасно Солженицын оплакивает издержки революции. Каждый год господства Брежнева снижает рождаемость славянских народов в СССР минимально на два миллиона. Следовательно за 15 лет под Брежневым население страны уменьшилось на 30 миллионов. Я полагаю, что самая кровавая революция не дала бы такую цифру потерь.

Солженицын выступает против «революций», исходя из опыта событий 1917 года. Но в настоящее время обстановка в стране и технические средства (транзисторы, магнитофоны) в руках населения способствуют ослаблению режима и его устранению наиболее мирным путем. На Западе возможно

создать центр координации борьбы с режимом в виде независимой радиостанции и подготовить проведение **революции в умах³⁾**. Давно пора начать обсуждение этих проблем в эмиграции и остановиться на лучшем решении.

3. «... отказаться от всех агрессивных международных бредней и начать мирное и долгое- долгое- долгое выздоровление!»

Наш долг в ходе борьбы освободить все народы от коммунистического рабства, после чего возможно подлинное выздоровление. Пока народы томятся под игом коммунизма, мы не имеем права бездействовать и заниматься пустыми разговорами.

Какой ценный подарок режиму делает Солженицын своим призывом: устранять его не надо, менять его дьявольскую природу не требуется, бороться с ним недопустимо, дабы не помешать его выздоровлению!

Солженицын не понял, что недопустимость борьбы с режимом приводит к соглашательству с ним. Ошибки, сделанные Солженицыным в его «Письме к вождям», усугубляются, и в интервью он доходит до прямой измены делу освобождения народа от режима, до предательства поработщенного населения.

Для советского человека рекомендация Солженицына «жить не по лжи» — насмешка. Советские люди вынуждены уже шестьдесят лет жить согласно морали рабов⁴⁾, которую породил режим. Они привыкли не говорить правду о себе, тащить с завода все, что можно пронести через проходную будку, работать спустя рукава на режим. В угоду Солженицыну они должны, вопреки инстинкту самосохранения, открыто выражать свое несогласие с режимом, одновременно прекратив подспудную борьбу с ним, добросовестно трудиться и не воровать у государства, говорить правду о себе. Коротче говоря, внять проповеди Солженицына о необходимости раскаяния и самоограничения⁵⁾. Преждевременное выздоровление, навязанное Солженицыным, равносильно сознательному добровольному обращению подсоветского человека в раба и робота режима, в душителя собственной свободы.

Многие из тех, кто сознательно наносит изъязн режиму, тем более те, кого режим считает преступниками⁶⁾, нарушившими интересы государства, принадлежат к силам освобождения, которые упустил из виду Солженицын.

4. «Жить не по лжи», биться за правду, не рискуя попасть за решетку, возможно на Западе, и Солженицын имеет возможность показать пример этой жизни, а заод-

но и пример самоограничения и раскаяния. Я хотел бы получить от Солженицына ответ на следующие вопросы:

— Зачем он разоружает население СССР и эмиграцию, представляя борьбу с режимом, чем-то недопустимым?

— Зачем он внушает ложные надежды на дворцовый переворот? Ведь как историк он не может не знать об операции «Трест», проведенной блестяще в двадцатые годы чекистами, суть которой состояла в прекращении эмигрантами борьбы с режимом.

— Не считает ли он своевременным открыто осудить падение нравов в эмиграции?

Совет «жить не по лжи» преждевременен и невыполним для подсоветских людей, но своевременен и насущно необходим для эмигрантов. Солженицыну должно быть хорошо известно, что в эмиграции души там, с кем боятся спорить, ведут тайные сговоры, интриги, распространяют клевету, доводят до самоубийства. В этом свете, призыв Солженицына к «изжитию свар» эмигрантов в его обращении к трем эмиграциям, появившемся одновременно с интервью, может быть истолкован как запрет критики в его адрес. Разногласия разношерстной эми-

рации не исчезнут от устранения личных ссор. Необходимо открытое обсуждение разногласий, в частности полезно было бы провести дискуссию в печати по моей книге «Солженицын и действительность». Возможно Солженицын признает тогда свои ошибки.

— Не думает ли он, что сам провалил свою миссию на Западе, не использовав резонанса своего голоса? что вместо того, чтобы стать знаменем освобождения, он ограничился обличением Свободного мира, стал соглашателем с режимом и составителем летописи его возникновения. Только не будут ли страницы этой летописи ворошить клешнями крабы на безлюдной земле, если не удастся во-время удалить режим с подмостков истории?

1) Д. Панин. «Мир-маятник», 1977, Тель-Авив, стр. 121—131 («Что следует называть революцией»).

2) Вождь белой армии в Сибири.

3) «Мир-маятник», стр. 131—151; Д. Панин. «Горе — не беда», 1978, Париж.

4) Д. Панин. «Записки Сологдина», 1973 г., Франкфурт/М., 137—138.

5) Солженицын «Жить не по лжи» (В: «Вестник РСХД», 1973, № 108—110.)

6) К ним не относятся подлинные уголовники, совершающие преступления против народа.

Copyright by D. Panin.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ Б. СОЛОНЕВИЧА

Вот уже 20 лет, как я уважал и ценил журнал «Св. Слово Карпатской Руси». Но с прошлого года в журнале появились нотки явного советского патриотизма («Россия, временно одетая в красный плащ»)... Я послал в редакцию «спокойную» статью на эту болезненную тему. Но в № 3-4 мне на нее ответил «сам» проводник советского влияния — Нилов (по-паспорту — Волин). И ответил по всем правилам советской полемики и... хамства. Отвечать такому «оппоненту» я не буду — противно. Я ответил только коротким письмом в редакцию, которое не было помещено. Но травля моих высказываний в «Родине» о «совето-русском патриотизме» продолжалась. (Особенно в № 7-8, стр. 13). Тут уж тов. Нилов наворотил такого вранья и клеветы, что только ахнуть. (Как известно, от клеветы всегда что-либо остается!).

К А К такие статьи пропустил милейший Туряница — дело его совести и «завихрения мозгов»...

Я теперь касаюсь этой неприятной, болезненной темы не для защиты своего имени, а для того, чтобы предупредить друзей на-

циональных журналов о планомерном наступлении Лубянки на нашу национальную прессу.

Ведь ДАЖЕ сверх-консервативный журнал «Согласие» (Лос Анжелес) поместил отрывки из провокационных писаний Нилова! Проникновение советского яда в другие органы прессы — неизбежно (силы «диссидентов» не спят! И поддержка у них есть!).

Тот же Нилов резко-оскорбительно ударил по В. Пирожковой, первоклассному публицисту (З. Германия). Пирожкова, КО-НЕЧНО, права, назвав планы Лубянки «дьявольски умными», которые сбивают с толку даже честных эмигрантов (книга Дон Педро Крачковского о каких то «Кризисах»). Ведь в «кризисы» и «эволюцию» так хочется верить усталому эмигрантскому сердечку!

Схема разлагательской работы Лубянки (через «диссидентов» и людей типа Нилова) ясна: «Внутри СССР идет «мощное» религиозно-национальное возрождение. «Лед тронулся!» Не мешайте благостной эволюции! Идет «смена караула». Технические достижения СССР будут полезны будущей национальной России (ББК, БАМ и проч.

Какую цену платит русский народ за эти «достижения» — не говорится!). СССР даже спасает своей «имперской мощью» бедную Русь от расчленения! А над коммунизмом теперь «даже» советские школьники смеются. Во, как! Все идет О. К., и никакой борьбы против большевизма не нужно. Она только мешает «историческому процессу»! СССР — только временный красный плащ на плечах Матушки-Руси! «А коммунизм-большевизм и такдохнет!»

Не секрет, что наша эмиграция заметно потеряла свою непримиримость к палачам Руси. И такие «спецы» как Нилов как-то, к сожалению, действуют на эмигрантских беженцев. «Ниловы» вооружены и деньгами, и сотрудниками, и «хваткими» методами в прессе. И «средняя» (по политическому развитию) эмиграция с удовольствием пьет ядовитый напиток советского патриотизма,

окутанный громкими словесами о любви к РОССИИ. Ведь так приятно на старости лет ничего не делать для России! Ведь «эксперты» уверяют, что «там» все меняется. Об «эволюции вывески» стараются не думать. О миллионах колхозников — рабов и концлагерников стараются просто не думать. А кто говорит о борьбе и об опасностях — того просто травят самым низкопробным способом.

БДИТЕЛЬНОСТЬ нам необходима. Лубянка меняет свои методы — теперь ее задача «освоить» нашу национальную прессу. А это — опасность пострашнее «Треста», бившего по людям, а не по идеям!

Вот почему, имея за спиной немалый политический опыт, я предупреждаю нашу национальную прессу о надвигающейся закамфлированной опасности!

Борис Солоневич.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ А. КОРОТЮКОВА

Многоуважаемый господин редактор!

Зимой 1974 года, перед выездом писателя В. Максимова за рубеж, мне приходилось встречаться с ним, слушать рассуждения о том, что русские должны жить у себя на родине, что эмиграция ничего не стоит, и прочее.

Судьба в Париже, где осел писатель, была к нему милостива. Редкий случай — В. Максимова многое удалось. Вскоре по приезду у него был журнал «Континент», он издает собрание сочинений, писатель постоянно ездит, выступает в Европе и в США, ратует за объединение всех эмиграций, за выполнение Хельсинского соглашения... Сомнений не было, что В. Максимов делает нужное дело, делает его увлеченно, им полностью поглощен, и только прочитав «Сагу о носорогах» (НРС от 14 января с. г.), я ощутил, как он жалок и растерян, как кликушествуя упивается своими унижениями, смакует злобу на Запад. Сразу же отбрасываю литературную пошлятину, не к месту взятых напрокат носорогов — обыватель с момента написания Э. Йонеско пьесы (1960 г.) переродился и можно было найти, если подумать, нечто более тонкое и, главное, свое, чем избитое «ноздря к ноздре». Суть же «саги» сводится все к тем же куцым мыслям, высказанным В. Максимовым еще пять лет назад в Москве — Западу до нас нет дела. За пять лет жизни на Западе писатель ничего не увидел, не понял... А ведь «сага» его написана для Рос-

сии, для тех, кто еще надеется, кто стремится на Запад в поисках свободы, кто ищет возможности борьбы с коммунизмом. Вглядываясь в портреты «саги», вижу, что делалась «сага» писателем, владеющим всеми теми клише, которые использует советская печать. Казалось бы, что диссидент В. Максимов должен напрочь отмести всю советскую дешевку с метастазами, судорогами разложения, фашизмом на каждом шагу, весь этот нелепый бред, а он, что за диво, работает в том же ключе.

Вероятно, живи я сейчас в Москве и получи разоблачительную «сагу» из самиздата, я бы фальшивке поверил. Но я живу на том же самом Западе, что и писатель и спрашиваю, кому это нужно? Будь Запад таким, как его изображает В. Максимов, разве он и А. Солженицын, и многие из моей еврейской эмиграции, диссиденты в Париже и Нью-Йорке, и В. Буковский обрели бы свободу? Они были бы в концлагерях, а не на Западе. Нам протянули руку, помогли забраться на борт корабля, и это сделали носороги?

Наша земля оккупирована коммунистами, уничтожены, исковерканы миллионы жизней. Это наша беда, а не беда людей, живущих на Западе. Вероятно, нельзя требовать от Запада невозможного, глумиться над теми, кто имеет, иные чем В. Максимов, мозги. А, может, я ничего не понимаю и надо в самый кратчайший срок их заставить мыслить как мыслит главный редактор «Кон-

тинента»? Когда-то мне было неприятно, что В. Максимов пил водку с теми, кто печатал его в журнале «Октябрь», что он дружил с В. Кочетовым, на мой взгляд ужасным негодяем и подонком, и антисемитом, но я не подошел в Доме Литераторов, когда видел там В. Максимова и не сказал, что мол, нехорошо обниматься черт знает с кем... Я верил, что писатель прозреет. И спустя несколько лет, он стал диссидентом.

Сейчас, когда я читаю «сагу», меня смущает, не тянет ли его к старым товарищам. В ином случае зачем же было затевать этот фарс и кричать напыщенную чепуху: «Идущие на смерть приветствуют тебя!» Или он забыл, что в СССР люди за свои убеждения действительно идут на смерть.

С уважением

25.01.79.

Алексей Коротюков.

ПРОТИВ КЛЕВЕТЫ НА ВТОРУЮ ЭМИГРАЦИЮ

Общее собрание Казачьего Комитета в США, созванное на 28-го января 1979 года в зале Казачьего дома во Фривуд Эйкрс, Ховелл, штат Нью Джерзи, ознакомилось с содержанием интервью Николая В. Федорова под заголовком «Он вспоминает Россию...», опубликованном в американской газете «Ошэн Коунти Рипортер» от 2-го декабря 1978 года, на странице 22 Ф.

Оставляя на совести Н. В. Федорова, именующего самого себя «Атаманом Всевеликого Войска Донского» и «президентом» несуществующей так называемой «Интернациональной казачьей организации», и его саморекламу, Общее собрание не может не осудить его, Н. Федорова, злонамеренную клевету на всю Вторую эмиграцию, прибывшую в США после Второй мировой войны. Общее собрание единогласно и решительно отвергает безответственное и провокационное заявление Н. В. Федорова о том, что «сущность советской системы можно определить на иммигрантах, которые прибыли в США после того, как они родились и выросли при советской власти» и на которых «влияние коммунистического учения очень хорошо видно»...

Такое совершенно необоснованное и просто огульное обвинение всей Второй эмиграции заслуживает самого резкого осуждения, так как факты и действительность все это опровергают со всей очевидностью. Подлинная правда свидетельствует о том, что как раз Вторая эмиграция, находясь свыше 20-ти лет в коммунистическом рабстве больше чем кто-либо испытала на себе все нечеловеческие лишения и страдания, террор и насилия советской власти, как и созданный коммунистическими тиранами искусственный голод, стоивший многих миллионов человеческих жизней, равно как и насильственную коллективизацию сельского хозяйства с конфискацией приобретенного тяжелым трудом имущества, как и принужденные выселения сотен тысяч людей в зим-

нюю стужу 1932-33 годов из родных очагов и отправления их в скотских вагонах в гиблые места Сибири с разрывом при этом семей, разделением жен от мужей, а детей от их родителей.

Вместе с тем как раз Вторая эмиграция наравне с оставшимися в рабовладельческом Советском Союзе людьми испытала на себе и страшную, неслыханную эксплуатацию человеческого труда путем потогонной стачковщины и в колхозной кабале, а также лишения самых элементарных человеческих прав и человеческого достоинства. И неудивительно, что как раз Вторая эмиграция не только на словах, но и на деле, даже с оружием в руках, боролась против коммунистического рабства и тирании, что ясно свидетельствует о том, что на ней не могло быть и не может быть и тени какого-либо влияния на нее коммунистического учения, как это ложно утверждает Н. В. Федоров.

Ввиду того, что и другие американские газеты, связанные с газетой «Ошэн Коунти Рипортер», а именно: «Колониал Ньюс», «Транскрипт», «Колониал Ньюс Вест» и другие, обслуживающие центр штата Нью Джерзи, также опубликовали клеветническое интервью Н. В. Федорова, то следует считать это интервью как определенно намеренное стремление оклеветать, дискриминировать всю Вторую эмиграцию и в глазах американского населения, с которым за десятки лет совместной жизни были созданы самые наилучшие взаимные добрососедские отношения.

С такой же решительностью Общее собрание Казачьего Комитета в США отвергает и заявление Н. В. Федорова о том, что Вторая эмиграция не имеет ни духовных, ни религиозных запросов. И опять также факты и данные свидетельствуют об обратном.

Будучи лишенными свободно исповедо-

вать веру в Бога, посещать храмы Божие, которые были или разрушены или же превращены в склады, и выполнять религиозные требы, Вторая эмиграция, нашедшая приют в странах свободного мира, а особенно в свободных и демократических Соединенных Штатах Америки, приобрела лишь здесь возможность все это свободно и беспрепятственно исповедовать. При этом как раз главным образом Вторая эмиграция своими заботами, своими трудами и своей жертвенностью построила во всех местах своего пребывания храмы Божие, создала в них надлежащее благолепие, а вместе с тем преимущественно она содержит эти храмы и священнослужителей в них, как и церковные школы для своих детей.

Все это прекрасно знает и сам Н. В. Федоров, а потому он в еще большей мере должен быть осужден за его явно неправдивые и даже провокационные заявления в данном им интервью.

Общее собрание Казачьего Комитета в США поручает Правлению Комитета перевести настоящую единогласно принятую резолюцию на английский язык и опубликовать ее в указанных выше американских газетах.

Президиум Общего собрания Казачьего Комитета в США

Председатель **В. Глазков**

Зачетитель председателя **Н. Адьянов**

Секретари: **Б. Казмин** и **Вл. Николенко**

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Слова, слова, слова... Этот метод «действия» популярен у нас в «свободном мире». А в СССР в это время продолжают аресты и убийство неповинных людей, посылаемых на смерть в лагеря на урановых рудниках.

Одна из последних жертв несправедливых арестов — Владимир Шелков, глава катакомбной церкви Адвентистов 7-го Дня. В апреле 1979 г. он снова арестован и осужден на 5 лет лагерей строгого режима за единственное «преступление» — веру в Бога! Это четвертый арест Вл. Шелкова, который уже отбыл в лагерях свыше 23 лет в наказание за веру и которому сейчас 84 года. Это подвижник, человек чистых устремлений и действенной веры в Творца.

Его действенность отличает его от нас. Он знает, что «только делающие усилие» приближаются к Создателю и участвуют в Его созидательном Плане.

Я провел вместе с Вл. Шелковым в лагере несколько лет и имел возможность своими глазами видеть этого светлого человека, прямого и, как стрела, устремленного к Богу. Вся жизнь Шелкова — подвиг. А что сделали мы для него? Он один из «изгнанных за Правду», он — «соль земли». А в чем мы «сочувствуем ему в узах его»? Помним ли мы о том, что обязаны «соучаствовать в узах»? Чем верующие в Бога проявили себя в защиту Вл. Шелкова? Написали несколько ходатайств? Но власти СССР смеются над всеми ходатайствами, и поэтому Вл. Шелков в четвертый раз осужден не за преступление, а за веру в Бога.

Нужны действия, срочные активные действия, чтобы спасти его — и такие действия Господь благословит!

Где среди нас готовые поехать в СССР и объявить сидячую голодовку в защиту Шелкова на площади Кремля — вместо того, чтобы осматривать кремлевские достопримечательности? Где среди нас готовые ехать в СССР с листовками в защиту Шелкова, чтобы раздавать их советским людям и таким образом сообщать им о преступлении советских властей против Шелкова?

Действия, подобные этим (а не слова!) покажут сатанинским властям СССР, что есть люди, готовые встать на защиту верующих в СССР, готовые пожертвовать своим благополучием ради этого, что жива в людях Земли вера в Бога!

Постыдитесь, говорящие, но не действующие: за нас с вами умирает в советской тюрьме этот святой человек, а мы сладко едим, мягко спим и лишь болтаем.

Пусть стыдно станет единоверцам Шелкова, Адвентистам 7-го Дня: что сделали они для его спасения?

Нет греха страшнее равнодушия. Где призыв христиан к действию? Почему с этим письмом обращается к вам еврей-сионист, а не главы церквей? Священники! Призовите свою паству к действию в защиту мученика Владимира Шелкова.

Пусть «Действие!» станет нашим лозунгом. Ищите и находите пути к действию!

Авраам Шифрин.

ИНФОРМАЦИЯ:

Research Centre for Prisons
Psychprisons and Forsed-Labor
Concentrations Camps of the USSR.
Director A. Shifrin.

Первый в мире документальный цветной фильм о советских политзаключенных, о лагерях, тюрьмах, психтюрьмах и местах ссылки в СССР

Корреспонденты газет, журналов и телевидения много раз спрашивали меня: как удалось вашим друзьям заснять в СССР все эти потрясающие кинокадры, где мы вблизи видим колонны заключенных, «воронки», грузовики наполненные заключенными и охраной, разгоны молитв верующих и их аресты, детей в полосатой концлагерной одежде, женщин-заключенных на лесоразработках, лагерные вышки и заборы в городах?

Это вопрос, избобличающий наивность иностранцев; люди, живущие в СССР, увы, слишком часто видят эти вышки с охраной вокруг строящихся новых домов, колонны грузовиков, везущих заключенных на строительные объекты. Люди привыкли к этому, их не удивляют общежития «химиков» — расконвоированных заключенных — тысячами живущих в любом городе СССР. И все это не в дебрях Сибири: во Львове есть шесть лагерей, в Москве 14 тюрем, в Одессе 4 больших лагеря и один из них для женщин с детьми.

И так по всей стране, в центре и на окраинах. Поэтому не так уж сложно заснять все это на киноплёнку. Конечно, нужна решимость и осознанная цель должна воодушевлять человека, рискующего при этих съемках своей свободой.

Так и было: наш Центр Исследования концлагерной системы СССР совместно с рядом других антикоммунистических организаций лишь отправил кинокамеры, а всю опасную работу сделали сами наши друзья в России. Среди них были представители разных национальностей: русские и латыши, евреи и украинцы, воодушевленные идеей показа Западу жизни заключенных в СССР. Тот, кто видит этот фильм, поражается тому, что есть там кадры заснятые внутри камеры спецпсихбольницы, где сидят наряду с сумасшедшими и здоровые люди, кадры заснятые в коридоре внутренней спецтюрьмы КГБ на Лубянке в Москве. Само собой, что эти фотографии могли сде-

лать лишь люди там работающие. И это лишний раз показывает как слабы звенья цепи, опутавшей и сжимающей Россию.

Телеобъектив приближает кинокамеру к объекту съемки: вот мы видим двух офицеров, идущих во главе колонны заключенных в запретной зоне лагеря. Вышки, конвой, собаки, истощенные лица заключенных и номера на их одежде подчеркивают контраст со спокойно беседующими сытыми и холеными охранниками.

А вот грузовики, везущие заключенных на работу: кузова их закрыты фанерными ящиками, зарешеченными сзади; конвой и собаки у решетки, к которой прижались бледные лица З/К — «Золотых кадров» страны, как грустно шутят в лагерях.

В фильме «Страна заключенных» есть разные разделы: лагеря, тюрьмы, работа заключенных, их перевозка, психтюрьмы, женщины и дети в лагерях. И все это зрители видят с пояснениями, дающимися по ходу фильма бывшими политзаключенными, освобожденными из лагерей и тюрем лишь в 1976-77 г.г.: Иосиф Мешенер, Арье Вудка, Яков Раскин, Григорий Берман, Рейза Палатник рассказывают о жизни в лагерях и тюрьмах, которые засняты в фильме.

Вот общий план тюрьмы Бутырская: у зрителя впечатление, что корпуса этой тюрьмы-города в центре Москвы засняты с вертолета, так как сразу видны сверху и с боку более 20 громадных корпусов и «Пугачевская Башня» — место ночных расстрелов. Глаз телеобъектива заглянул и во дворы знаменитой спецтюрьмы КГБ «Лефортово», откуда выехал на Запад Солженицын, там сегодня сидит сионист А. Шаранский, ложно обвиненный в шпионаже лишь за желание уехать в Израиль.

Мы видим на экране массивный следственный корпус и подвесной коридор ведущий из мрачного тюремного здания, видим корпус карцеров и кинокамера скользит по его стене до самого низа, где видна дверь в знаменитые карцерные подвалы: там

умерли профессор Вовсе и профессор Коган, арестованные как «отравители», там погибло бесчисленное количество мучеников КГБ...

Люди спокойно идут по улицам Москвы, Днепропетровска, Орла, Одессы не обращая внимания на машины «Скорой помощи» въезжающие и выезжающие из ворот «госпиталей» — спецпсихтюрем. А кинокамера прослеживает и этих равнодушных и рядом подавленных родственников у закрытых дверей, заглядывает сверху в «прогулочные дворики», окруженные колючей проволокой, и мы видим этих «казнимых сумашествием», бредущих один за одним по кругу под взглядами охраны и стволами автоматов...

Вот жуткий снимок детей: 3-4-хлетние детишки с насупленными личиками стоят группой и на них... полосатая одежда спецстрогого лагерного режима. Почему?

Рейза Палатник, которая сидела в лагерях, где были женщины с детьми, дает пояснения: оказывается на фабрике пошива одежды для лагерей работают матери, родившие детей в лагерях и детей этих у них отбирают и помещают в специальные зоны, «детские сады», а матери, из остатков материала, который идет в спецлагеря «полосатиков» шьют своим детям эти балахончики.

Мы видим в фильме и работников КГБ и лагерной охраны «за работой»: вот известный садист Дубровлага майор Агеев инструктирует молодых офицеров, прибывших в лагерь, вот заседает спецсуд в Эстонии, вот латышские националисты под конвоем в суде, вот выступает прокурор Эстонии Кюммель в политическом процессе, требуя осуждения борцов за независимость Эстонии.

Специальный раздел фильма показывает борьбу верующих — христиан, евреев, буддистов за право молиться и совершать свои обряды без официального вмешательства властей СССР. Мы видим погибшего в лагере ученого-буддолога Дандарона, еврея Менделевича, преследуемого в лагерях за соблюдение субботы и ношение головного убора — кипы, разгон молитвы баптистов в Белоруссии, где офицер КГБ стрелял в молодого верующего Лойко Николае: зрители видят простреленного навзлет в грудь юношу и лицо «героя» капитана Лукьянова, у которого верующие отняли удостоверение личности. Мы видим на экране разрушенный молитвенный дом баптистов и на развалинах надпись, цитату из Библии: — «Возненавидели меня напрасно»... А рядом семью верующих, живших в этом доме.

Европейские журналы «Quick», «Paris Match», «Stern» назвали фильм «Страна заключенных» «моральной атомной бомбой». И это, в какой-то мере верно: впервые Запад увидел советские концлагеря своими глазами, те лагеря, которые придут к ним вслед за «финляндизацией», вслед за односторонним детантом, вслед за «еврокоммунизмом»... Многие зрители плачут от этого 30 минутного концентрированного документального материала.

Наш Центр не останавливает своей работы и мы надеемся уже вскоре показать гражданам пока еще свободного Западного мира две новых публикации: первая — это фотоальбом где будет около 200 фотографий лагерей, тюрем, мест ссылки, психтюрем и заключенных там томящихся; все это будет сопровождаться свидетельскими показаниями тех, кто прошел через эти страшные места.

И вторая работа это «Путеводитель» для иностранных туристов, едущих в СССР. В нем будут карты всех областей СССР с нанесением на них точного месторасположения лагерей и тюрем, с указанием кто там сидит, на каком режиме, сколько там заключенных, кто является начальником этого лагеря.

Будут там и карты крупных городов СССР с указанием на них лагерей и объяснением, каким автобусом или трамваем к ним проехать.

Надеемся, что эта книга раскроет глаза многим иностранцам, едущим в СССР, чтобы посмотреть Кремль и балет в Большом театре: они увидят то, что скрыто фасадом Кремля.

А. Шифрин.

*) Пользуясь этой публикацией наш Центр просит всех людей, знающих о сегодня существующих лагерях, где сидят политзаключенные, писать нам.

Главный редактор: В. Пирожкова
Секретарь редакции: И. Сабурова
Verantwortlich fur den Inhalt:
V. Piroshkova

Адрес редакции: Frau I. Saburova
Regattaweg 88
D-8000 Munchen 50
BR Deutschland

Банковский счет —
Банк: Hypotheken- und Wechselbank
8 Munchen, Konto Nr. 2760094318

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

СПИСОК ЗАМЕЧЕННЫХ В № 13 ОПЕЧАТОК:

Страница	Строка	Написано	Надо читать
2	6 сверху	искусство природы	искусство пропаганды
3	15-16 снизу	Короленико, Якушевича	Короленко, Ярошевич
9	17-18 сверху	зиновьевой логикой	Зиновьев логикой
10	26 снизу	ненавидящих	ненавидимых
32	10 сверху	восстановит	восставит

Напечатано в Русском Национальном
Издательстве «ГЛОБУС»
Сан Франциско, Калифорния, С.Ш.А.
GLOBUS PUBLISHERS P. O. Box 27086,
San Francisco, California 94127 U.S.A.

